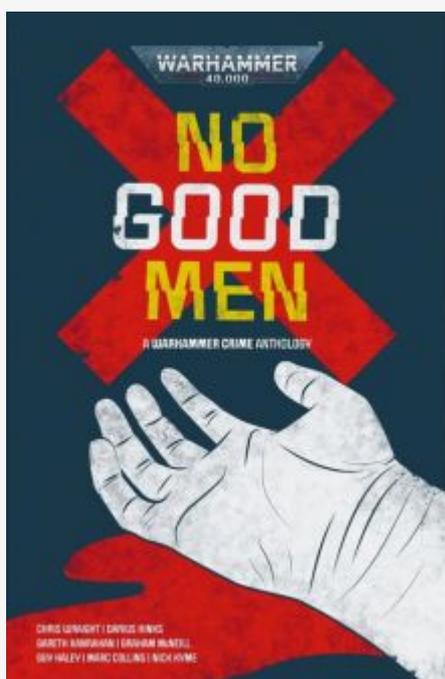

Не по нутру / Against the Grain (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Не по нутру / Against the Grain
(рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Хороших людей нет / No Good Men
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Пожалуйста, - молил он, - пожалуйста... не делайте этого.

Отчаянные просьбы неслись, словно последние желания умирающего, стихая во мраке просторного помещения.

- Ты потеешь, - раздался голос.

- Прошу вас...

И еще здесь стояла вонь - липкий приторный запах, от которого едва не выворачивало желудок.

- Впрочем, - произнес голос, - в это время года в Геневске жарко. Как тебе кажется? Это чувствуется в воздухе; жар, я имею в виду, и дело не только в фактатурах с их теплоотводами - он еще и в крови. Каждая несчастная, темная душа в южном городе пропитана им. Заставляет задуматься, не так ли?

- Не делайте этого. В этом нет нужды, это не...

- Заставляет задуматься, - гнул свое голос, раздраженный тем, что его перебили, - сколько времени пройдет перед тем, как человек сломается. Перед тем, как его разум обратится к насилию. Вся эта жара, от нее мозг кипит, она толкает так... Знаешь, если взглянуть как следует, это видно. Дрожь в воздухе, марево. В этом жарком мареве человек показывает, кто он самом деле, раскрывает свою истинную натуру. Какова твоя истинная натура, а? Мне поддаться жару, чтобы рассмотреть тебя сквозь марево, увидеть, кто ты на самом деле?

- Пожалуйста, не надо...

- Потому что тебе, похоже, уже жарко. Тебе там жарко? Ты поэтому заливаешь своим потом мой чистый пол? Я его только этим утром надраил, а теперь... ну, это просто хренов бардак. Пот, труд - на них построен этот город, но сказать тебе, что возвысило его над дымом и жарой?

- Я ничего не скажу, я вообще не знаю...

- Я вижу, что ты хочешь узнать, пока потеешь на моем помосте, как свинья. Такова твоя натура? Ты любопытен? Я вижу, что ты действительно хочешь узнать, так я тебе расскажу.

Где-то в тени, где-то в большом помещении, где пахло кровью, потом и дерьмом, и этот аромат был таким острым, что практически ощущался физически, залязгала тяжелая машинерия. Она издавала глухой металлический шум вращения, словно комбайн. Из-за эха было сложно определить, где именно она находится.

Потом внизу с фырканием и шарканьем прошло нечто. Нечто в нескольких экземплярах. Что бы там ни было, от него поднялся смрад еще хуже того, что уже скопился в комнате.

- Это амбиции. Вот что сделало Варангантюа тем городом, каков он сейчас. И вот в чем штука с амбициями: они *гонят* людей преуспеть, найти положение повыше. Этот народ из ничего, из трущобных атаманов выбился в хреновы короли торговли!

- Пожалуйста, я для вас не опасен. Я никто.

- О, я знаю, - проговорил голос, и звук механизма изменился. - Это я точно знаю.

Настил сдвинулся в сторону, трап внезапно втянулся, и под ногами осталась только пустота. Тело упало, ударившись оземь внизу. Последовала короткая свалка, исступленные попытки выбраться, за которыми бесстрастно наблюдали сверху. Фыркание и шарканье сменились визгом и, наконец... криками.

Сдвигая защелку пятого замка, Ефрем понял, что он не один.

Изготовившись снаружи перед дверью в свое жилище, он помедлил в пульсирующем полусвете коридора, гадая, кто или что забралось внутрь. Воздух внутри напоминал по вкусу пыль, и Ефрем уже не в первый раз задумался, что же ему понадобится, чтобы перебраться из низкопробного жилья в более приличную часть района. Плитки, как он полагал. И не требовалось проверять свои финансы, чтобы знать: не хватает еще нескольких тысяч.

Еще он почувствовал запах одеколona, слишком дорогого и слишком по-настоящему благоуханного, чтобы принадлежать ему. Было и еще кое-что: мясо и адреналин. Пот со стимуляторами. Кто-то недавно наглотался. Он потянулся к пристегнутому под мышкой «вульперу», отводя свой ржаво-красный плащ, пока не нащупал массивную рукоять. Пистолет типа «Бычок» с литыми пулями. Небольшой боезапас, но бил достаточно сильно, чтобы уложить огрина. Зачем выпускать десять пуль, когда справится и одна? Оружие имело останавливающий эффект.

Он прижался к двери и сквозь приоткрытую полудюймовую щель услышал дыхание.

«Проклятый ублюдок прямо за дверью».

Ефрем отступил на шаг и ударил ногой. Дверь качнулась внутрь и врезалась во что-то твердое. Судя по звуку, это было мясо, и ему на ум пришли замороженные туши гроксов на рынках кусковой продажи. Еще он услышал рычание и звук пары шагов назад. Отборное ругательство, которое прошипели, скривив губы. Ворвавшись в проем, Ефрем описал пистолетом широкую дугу, выскивая цель. Было темно, незваному гостю хватило здравого смысла погасить люмены, однако внешнего света от мерцающей натриевой лампы в коридоре оказалось достаточно, чтобы очертить силуэт.

Ефрем выстрелил, надеясь попасть в руку или плечо. Дульная вспышка, яркая, словно холодное солнце, высветила в бледном монохроме огромную фигуру, одетую в строгий костюм. Из-под почти безликой маски яростно глядела пара глаз. Он сдвинулся, этот человек. Быстрый. Накачан стимуляторами, а может с аугметикой. Но он увернулся от «вульпера». Увернулся от пули, Трон ее прокляни.

Следующее, что осознал Ефрем - он не мог дышать, его пушка была на полу, а зрение застилала чернильно-черные пятна.

- Дееерь... - выдавил он - это был не его звездный час - и потянулся за служебной дубинкой, которую носил в кармане. Та вылетела наружу, словно кнут, раскрывшись и зафиксировавшись от одного рывка запястьем. Судя по небольшому изменению позиции нападавшего, тот заметил, что в схватке возник новый фактор, и двигался на опережение, но Ефрем хлестнул дубинкой по запястью человека в маске, а когда тот разжал удушающий захват - врезал ему по левому колену, чтобы обездвигить.

Ошеломленный вскрик мужчины, пробившийся сквозь помутнение кислородного голодания и наползающую темноту, сообщил Ефрему, что удар оказал эффект. Он отпрянул назад, предостерегающе выставив дубинку перед собой.

- Кто... - прохрипел он, говоря через силу и наставив свое оружие на сраженного человека, грудой валявшегося на полу, - ты, на хрен, такой?

Раздалось низкое рычание, и мужчина кое-как поднялся на ноги, растерянный и мучимый болью. Если бы взгляд из-под его маски мог убивать...

Пистолет находился вне досягаемости их обоих, отлетев в сторону от удара ноги и пока что затерявшись в тени.

Невзирая на проблемы с ходьбой, человек в маске изготовился к прыжку, и Ефрем напрягся.

- *Стой*, - прорезал комнату женский голос, который резал как ножом и привык, что ему повинуются.

Мужчина в маске остановился, словно сервитор, которому выдали плату с командой. Он застыл на середине броска, и только тяжелое рассерженное дыхание выдавало, что он вообще человек, а не какой-нибудь голем из плоти, созданный исполнять волю хозяйки.

- *Люмены...* - произнес голос, и стал виден маленький шестиугольный вокс, стоявший на столе возле двери. На столе Ефрема - грязном, с потрескавшейся облицовкой, миновавшим свои лучшие времена, совсем как его владелец. Вокс принадлежал не ему.

- Сраные угодники, что тут происходит?

Вопрос представлялся резонным. В конце концов, это ведь было его жилье - пусть и несомненно запущенное, но его. Он не забрел опять по ошибке в чужой дом. Он сегодня практически не пил. Клэй Ефрем тоже не принимал, поэтому знал, что он в норме.

- Ты кто такой? - требовательно спросил он мужчину, который выпрямился и встал рядом с вокс-модулем, словно гончая - чертовски большая - к ноге. - Что ты делаешь в моем Троном клятом доме?

Он заметил «вультпер», откатившийся от двери на край комнаты. Решил, что не станет кидаться за ним. Голем догонит его в два шага, и Ефрему снова станет нечем дышать. Что бы ни творилось, пусть оно лучше идет своим чередом.

- *Костыль, опиши мне жилище*, - сказала женщина. Образованная, из верхних районов, решил Ефрем и присовокупил это к тому запасу бесполезной информации, который пока что успел собрать.

Костыль сделал, как ему велели, описав трехкомнатную коробку, состоявшую из спальни, столовой и умывальной. Потертая, грязная, осыпающаяся штукатурка, большое окно на дальнем конце, в данный момент занавешено. Дешевая, чиненая мебелировка; истрепанный ковер; низкокачественный рециркулятор; подогреватель; холодильник; ящик для оружия. Он был дотошен. И жесток в своей нейтральной, как бы не осуждающей манере.

- *И человека*.

- Я так понимаю, вы имеете в виду меня, - прорычал Ефрем. У него кончалось терпение, несмотря на неизбежную перспективу того, что Костыль ему накостыляет. - Слушайте, мадам, кто и где вы там, какого...

Костыль прервал его вторым описанием.

Мужчина. Начало четвертого десятка - в настоящее время ему было почти тридцать три - худой и бледный, левый висок выбрит, седые волосы средней длины. Драная одежда, ржаво-красный плащ.

- Неужоженный, - резюмировал Костыль, и Ефрему захотелось его ударить.

Слуга, телохранитель, или кем он там был, взял вокс-модуль и выставил его в сторону Ефрема. После низкого гула активации ударил резкий свет, и в нем почти безупречно отобразилась женщина в дорогой одежде. Качество было поразительным. Казалось, будто она стоит в этой самой комнате, а не является копией, созданной проекционными узлами гололита.

У нее отсутствовала видимая аугметика, однако кожа была гладкой, словно лед в Соленом Камне, почти такой же бледной и явно обильно накрашенной. Зачесанные наверх волосы, окруженные высоким обручем, были крепко заколоты в стилизованную прическу-помпадур, а длинное зауженное платье расходилось по краям наподобие хвостовых перьев и было изготовлено из необычных материалов. Остальная часть наряда также была хорошо подобрана, а худощавое угловатое лицо говорило о генетической манипуляции.

Аристократка. Здесь. Как минимум, судя по манере разговора.

- Я - Вельена Калик, - провозгласила она, - и мне нужна ваша помощь.

Взгляд Ефрема переместился с его перевернутого вверх дном жилища на головореза в маске, стоявшего в его дверях, и затем на гололитическое изображение знатной женщины. Он нахмурился.

- Не хочу показаться грубым, но кто вы, на хрен, такая?

Костыль рванулся сквозь проекцию, преодолев комнату неуловимо для глаз. Ефрем ощутил, как стена несется навстречу его спине, и его впечатали в нее.

- Эй! Сраный Трон!

- *Костыль, отпусти его.*

Ефрем сердито уставился на Костыля, а потом на женщину, представившуюся как Вельена Калик.

- Вы не больно-то располагаете меня к вашему делу, мадам.

- *Костыль мой слуга. Преданный, но временами импульсивный,* - отозвалась она, и Ефрем отметил, что это не извинение. - *Вы Ефрем Фейд,* - продолжила она. - *Пробатор.*

- Технически, я егерь. Вольный наемник, - поправил Ефрем.

- *Да. Меня проинформировали, что вы специализируетесь на поиске пропавших людей.*

- В этом городе это процветающее ремесло. Мне нравится думать о нем, как о растущем рынке, но буду честен: вы не из числа моей обычной клиентуры.

- *Также меня проинформировали, что вы небогаты,* - добавила она, словно Ефрем ничего не говорил.

- Если цена подходящая.

- *Костыль сообщит время и место, чтобы мы смогли переговорить лично и я сообщила детали.*

- Я не сказал, свободен ли я.

- *Вы увидите, что на ваши счета переведены средства в счет аванса.*

На запястье звякнул аудекс. На маленьком видеодисплее прокрутилась сумма, и у Ефрема расширились глаза.

- Как выясняется, я свободен, - произнес он, снова переводя взгляд на Вельену Калик и гадая, насколько же та богата.

- Значит, договорились. С нетерпением жду нашего разговора, господин Фейд.

- А я с нетерпением жду еще денег от вас, мамзель Калик.

Она нахмурилась, нарушая свой густо нанесенный макияж, и едва заметно кивнула, после чего гололит мигнул и отключился, вновь оставив Ефрема и Костыля наедине.

Слуга извлек из пиджака инфопластинку и бросил ее на пол перед Ефремом.

- Не опаздывай, - рыкнул он. Голос доносился из-под маски гулко и с дребезжанием. - Я буду наблюдать.

После этого он развернулся и вышел, оставив дверь распахнутой.

Ефрем нагнулся и подобрал инфопластинку. Как только материал соприкоснулся с его голой кожей, он ощутил легкое потепление. Вспыхнул сперва адрес, а затем время. Спустя еще три секунды инфопластинка сгорела у него в руке, полыхнув словно в мгновение ока. Или как ослепляющая граната. Ефрем выругался, трясся в воздухе обожженными пальцами и разглядывая крошечную кучку пепла, оставшуюся от пластинки. К счастью, он обладал эйдетической памятью. Ему стало интересно, было ли это известно Вельене Калик наряду с его именем и профессией.

Еще ему стало интересно, с чего бы знатной женщине из городских верхов понадобился дешевый егерь вроде него. Сегодняшний день то ли был для него счастливым, то ли вот-вот должен был стать худшим за все время.

Длинный утомительный день вдруг тяжело навалился на него. Он запер дверь за своим грубым гостем, предварительно проверив коридор, чтобы убедиться, что Костыль ушел и не прячется в какой-нибудь сумрачной нише или не пытается слиться с обстановкой, будто безликая статуя. Из него вышла бы хорошая статуя, решил Ефрем.

- Засранец... - пробормотал он и вернулся внутрь.

Он бросил взгляд на умывальную, раздумывая, утруждаться ли погружением тела в низкощелочную среду, или нет. Сбросив плащ и понюхав у себя под мышками, он решил, что еще на одну ночь сойдет, и вместо этого запустил свой когитатор. Это было дешевое устройство, из помойки, но усовершенствованное старым другом-техносавантом, который был обязан ему за оказанные услуги. Так что оно довольно неплохо работало вне сети и имело скрытое подключение к инфооблаку, закрытой информационной вокс-сети, используемой городскими пробаторами. Он не мог получить доступ к файлам или коммуникации по конкретному делу пробатора, однако мог отслеживать вокс-траффик в целом и сигналы тревоги. Гораздо полезнее этого было инфохранилище в ведении Бастиона Г, где содержались данные по бандам, торговым комбинатам и заслуживающим внимания персонам.

Громоздкий прибор ожил, шумно дернув сервомеханизмами. Из пластекового корпуса когитатора донеслось тихое гудение модифицированных конденсаторов, и одновременно с этим видеоплата экрана загорелась приглушенным натриевым светом.

Он зашел в инфооблако, ввел параметры поиска и сходил налить себе выпить. Аристократка она или нет, но Вельена Калик вторглась в его квартиру ночью при посредстве своего мускулистого фактотума, без запроса и пояснений. Он хотел знать, почему.

Поиск заработал, просеивая данные. Ефрем уселся на свою убогую кровать, крутя в бокале темно-янтарную жидкость. Он сделал глоток, скривился от кислотины, затем сделал еще один. Поиск

прекратился, вспыхнула череда загружаемых данных.

- Расскажи мне все, - произнес он и налил себе еще выпивки.

Утро пришло в яркой дымке, свет которой вызывал мигрень. Ефрем не помнил, как заполз в постель или как раздевался, однако именно там он и лежал, а в голове у него как будто гремела канонада Милитарума. Он ощутил по рту привкус кордита и в приступе внезапной паники потянулся к своей ноге, но расслабился, как только нащупал металл, а не ключья и пустоту. Всего лишь сенсорное воспоминание, не более того, хотя он до сих пор слышал эхо грохота взрыва десятилетней давности, равно как и крики умирающих...

Чувствуя необходимость отделаться от ночного оцепенения, Ефрем осторожно поднялся и дохромал до окна. По пути он заметил пустую бутылку из-под корнеплодного виски. Вкупе с головной болью это напомнило ему про обильные возлияния прошлой ночи. Опять стояла жара, как в крематории, а в воздухе дрожало марево, будто реальность искажалась.

Слегка скособочившись, он встал голым перед серым, помутневшим стеклом своего окна, имевшего форму ирисовой диафрагмы. Показался смутно видимый, почти что мертвенно-бледный силуэт. По ту сторону его прискорбного, однако совершенно не удивляющего отражения, располагалась Нива. Сорго и канола. Зелено-горчичное море потрясающих масштабов тянулось на многие мили, и патрулирующая его акры армия жаток и тракторов сама по себе ошеломляла. А еще корабли. Трон милосердный, корабли. Настоящие армады нижнеатмосферных челноков и тропосферных тихоходов, снижавшихся и взлетающих. Их трюмы вечно жаждали добавки, и всегда оставалось еще. Зерно, прокат... мегатонны пайков, направлявшихся не к голодающему населению Геновски, а на суборбитальные посадочные площадки, а оттуда - в небесные доки и, в конечном итоге, в пустоту и к далеким силам Милитарума, которые вели почти мифические войны в отдаленных частях Галактики.

Над Нивой висела сгущающаяся пелена, похожая на бурый занавес. При такой жаре воздух приобретал вещественность. В этом смертоносном тумане трудились мужчины и женщины, затянутые в поношенные защитные костюмы и низкокачественные респираторы. Ефрем едва мог разглядеть, как они нетвердо бродят там, перенося грузы, работая на тракторах и жатках, заполняя шлемовидные силосные башни, пока не станет казаться, что швы вот-вот лопнут. Повсюду голод, но его никогда не утолить.

А на востоке и западе - едва видимые сквозь сельскохозяйственный туман, но все равно грозно высящиеся, будто старые, обветшалые титаны - громады торговых комбинатов. Их количество исчислялось десятками: огромные и высокие шпили промышленников, столь же неустойчивых и нетерпеливых, как и те челноки, что прибывали набить брюхо их зерном. «Провизия Шанаки» и «Земледелие Бодина». «Фермы Карридина» и «Лига Продовольствия». Каждый из них сам по себе являлся городом-государством, каждый бился за наиболее крупные контракты, предпочтительно военные. Подать есть подать, как говорится, и ее ждали, в сущности - требовали, но это не значило, что тут не зашибить плиток. Больше поставил, больше заработал. Так звучала мантра торговцев.

За запыленными стенами конгломератов и во дворцах-шпилях земляных гильдий пребывала сила. В Геновске грязь означала деньги. До неприличия много денег.

- Кормим войну, - с горечью прокомментировал Ефрем. - Столько сельского хозяйства...

Он присвистнул, напоследок наслаждаясь видом перед тем, как пойти под крайне необходимый ему

импульсный душ.

- Кто-то определенно богатеет. И это точно не я.

Он подумал о своей будущей благотельнице, и у него в голове, словно игральные карточки, завертелись собранные факты и данные по мере того, как воссоздавалась картина вечерних открытий. Импульсный душ помог: вода, барабанившая по коже, будто жесткие ножи, тонизировала и разум, и тело. Однако ему требовалось соблюдать осторожность. Вода была слегка щелочной, и если не замотать ногу, то механизм могло опять закоротить. Хуже того, он мог заржаветь и схватиться. Чтобы накопить достаточно плиток и позволить себе апгрейд, ушло шесть месяцев – по правде сказать, бывшим военным дерьмово платили – и черта с два он стал бы этим разбрасываться. Так что он замотал ее в пластиковую оболочку, обернув ту вокруг кремowego керамиита и уделив особое внимание открытым металлическим сочленениям. Аугметика. Левая нога, начинавшаяся с роботизированной ступни и доходившая чуть выше металлического колена. Как и всегда на рассвете, вспыхнула фантомная боль, дополняя прочие его чрезвычайно реальные мучения. Он опустилсЯ в умывальную, привалился к промерзшему плагласу и позволил воде хлестать себя. Покою предстояло длиться недолго.

Хронометр звякнул, возвещая час, и Ефрем неохотно отключил импульсный душ.

Его ждала Вельена Калик, аристократка невысокого полета, как он выяснил – не по происхождению, так по состоятельности, но, черт побери, она стояла гораздо выше него в социально-экономической пищевой цепочке, и она хорошо платила.

Ефрем торопливо оделся, схватил со стола свои удостоверения и «вульпер» в кобуре и уже собирался выйти, но остановился. Опустившись на колени – непростая задача, когда вместо одной ноги аугметика – он нащупал незакрепленную плитку возле кровати. Загрубелые кончики пальцев, двигавшихся проторенной и привычной дорогой, нашли искомое. В маленькой камере размещалась шкатулка с замком, открывавшимся поворотом барабанного переключателя. Внутри лежало несколько палочек вещества цвета умбры, завернутого в слоистый пергамент. По консистенции они были как размягчившаяся смола. Ефрем взял одну, раскатал ее, а затем положил себе под язык.

Армейская наркота. Непросто раздобыть. Дорого. Слегка незаконно. Но проклятье, как же она была эффективна.

Все мгновенно приобрело резкость, словно чувства пропустили через фильтр с высоким разрешением. Зрительное насыщение, острота слуха, чуткость осязания, улучшенное обоняние, более тонкий вкус. В пергаментных пакетиках содержалась ясность, и ее называли клэй.

С усиленными чувствами ночные труды кристаллизовались.

Его изыскания дали немногое, но они указали в определенном направлении. Тот факт, что она прислала слугу вместо себя и общалась через закрытый вокс-модуль, что прибегла к услугам низкопробного егеря вроде него, указывал на нечто очевидное.

Вельена Калик была напугана.

Часть пути в элитный анклав Ефрем преодолел в маглеве, гремящем, не вполне надежном металлическом тубусе, пропахшем людским потом и скопившимися кишечными газами. Там было душно, а цилиндр гудел на разные лады. Ефрем больше не владел машиной и с завистью поглядывал на

элегантные «корвейры», «люксеры» и даже грубоватые «бронто», которые двигались мимо по основной магистрали, проезжая в пролеты огромных арок или в тени колоссальных статуй, изображавших святых и героев Империи.

За грязным окном его вагона уплывала вниз Геновска – скопление дешевых хибар, съемных квартир среднего уровня и элитного жилья. Жилые анклавы различались по размерам и престижности. Ворота с электрозащитой и высокие стены отделяли отбросы общества от богачей – тех, у кого на службе имелись личные армии или техножрец. Сервиторы стоили дороже, но, в отличие от живых существ, киборгов не требовалось кормить. Ефрем мельком заметил сверкавших серебром боевых автоматов, которые стояли на карауле у одного из привратных строений, и присвистнул от такого расточительства. Если бы он продал свой жилой бокс, оружие и все имущество, а потом удвоил сумму, то все равно даже не приблизился бы к тому, чтобы позволить себе нечто подобное.

Ефрем нервно похлопал себя по аугметике – он находил твердость металла ободряющей, а может, просто хотел убедиться, что та на месте – и задумался, такого же ли уровня жилище Вельены Калик, как те, что проносились за окном. Когда маглев с дребезжанием неуверенно остановился, он также задумался, как, черт побери, ему пройти вглубь элитного анклава, чтобы это выяснить.

Как оказалось, об этой проблеме ему не было нужды беспокоиться.

Когда он вышел из маглева на переполненную платформу с ее торгашами и слугами, писцами и сервиторами, горе-предсказателями и рабочими, в толчее выделялась одна фигура. Остальной немый люд обходил ее подальше. Они чуяли деньги. И неприятности.

Костыль прибыл его подобрать.

– А я ведь даже не предупредил по воксу... – произнес Ефрем, приблизившись к слуге в маске, который в болезненном свете дня выглядел, возможно, даже крупнее. – Мои сумки нести не нужно, дружище, – тут он одарил Костыля мразотной ухмылочкой, – у меня их нет.

Ефрем прошел мимо, и Костыль двинулся следом в ногу с ним – это ядовитое облако заслонило солнце? – но уже через несколько шагов к подъемнику на выходе движение вперед пресекла рука на плече.

– Нам опять придется этим заняться? – поинтересовался Ефрем, и его пальцы скользнули на рукоятку дубинки. Он мог поклясться, что слуга слегка прихрамывает, и это его чрезвычайно радовало.

– За мной, – прорычал Костыль, указывая на частный подъемник, который был закрыт от прочих граждан воротами и патрулировался парой мрачных санкционеров в плотно подогнанной броне, державшими при себе деактивированные шокерные палицы. Жесткие городские силовики не обязательно работали на людей с богатством и хорошими связями, но эти двое явно получили соответствующие приказы и быстро расступились, пропуская Костыля и его «гостя».

Насмешливо отсалютовав им кулаком, Ефрем пронзительно провозгласил:

– Аве Лекс!

Яростно уставившись на него сквозь щели визоров, санкционеры крепче стиснули свои шокерные палицы, но сверх этого ничего не могли поделать. *Если бы хмурые взгляды могли убивать...*

Когда они зашли на частный подъемник и ворота с лязгом закрылись за ними, Ефрем слегка пихнул локтем своего глыбообразного спутника. Это было все равно что пихнуть рокрит.

- У тебя мрачное лицо вышло лучше, - сказал он, подмигнув. - И никогда не позволяй никому говорить иначе.

Костыль смотрел перед собой, опустив руки по бокам и сжав кулаки.

Во плоти Вельена Калик выглядела так же царственно, как и на гололите.

Впрочем, она казалась меньше, чуть слабее, словно здесь, в относительной безопасности своего жилища - чрезвычайно хорошего места, которое располагалось выше сельскохозяйственной мглы, исходящей с Нивы - она отчасти могла выказать свою боль и уязвимость.

- Это нечто, не правда ли... - пробормотала она. Ее грациозная фигура застыла, словно рисованная «боевая подруга» на корпусе ударного корабля Милитарума в крестовом походе, окруженная серовато-коричневым светом, который проходил сквозь окно. Она подразумевала такой же вид, как открывался Ефрему в его существенно более запущенном жилище, только у него тот был потусклее и с ракурса пониже, так что оставались видны все изъяны и недостатки.

За перламутровым же овалом, сквозь который смотрела Вельена Калик, виделся безмятежный океан. Рабочих по большей части скрывала полевая дымка, а мигающие огни челноков и грузовых тягачей напоминали красочные звезды. Отсюда сверху, из-за пелены тумана и сознательного неведения, почти что можно было счесть это красивым - будто панораму какого-то экзотического чужого мира, блестящего и манящего к себе.

- Я вижу только грязь, - честно сказал Ефрем.

- Ну конечно, - она обернулась. Надетое на ней темное платье выглядело практически как похоронное, но облегалo фигуру почти до неприличия. - Как можно ожидать от низшей касты мечтаний, взоров за пределы материального на нечто большее?

- О, мы мечтаем, - парировал Ефрем, - но обычно о приличной еде, о жилье получше, чтобы не убили... ну, знаете, очень амбициозных штукаx.

- Вы трудный человек, господин Фейд.

- Говорят, да.

- Вы так лишились ноги?

Ефрем посмотрел вниз, на свою аугметику. Ту было не видно под брюками, но он предположил, что Вельену снабдил информацией один из ее автопровидцев. Сервоchерепа летали по территории жилища Каликов, словно зловещие насекомые - наблюдая, оценивая. Он праздно задумался, кому принадлежали эти черепа до того, как их ограничили вечной механической службой.

- Вы имеете в виду, что ее кто-то отрезал? Можно и так сказать, но я тогда ни слова не сказал, так что не думаю, что это было реакцией на мой очаровательный характер.

Она нахмурилась. Судя по виду, хмурое выражение было привычно ее лицу. Ефрем решил уступить.

- Бракованная фраз-граната, - соврал он, поскольку ложь была приемлемее правды. - Сработала, когда не надо. Порвала мне левый бок в ключья. До сих пор куча шрамов. Ноге досталось сильнее всего.

Хирургeon не смог ее спасти.

- Стало быть, военный.

- Думаю, вы это и так могли знать, верно?

То, что Вельена Калик не ответила, само по себе являлось ответом.

Однако она не знала всего - не знала, как или почему. Или сколько людей умерло...

- Полагаю, вы хотите узнать, для чего я вас сюда вызвала? - спросила она вместо этого.

- Ваш муж пропал, и вам нужно, чтобы я его нашел.

Вельена Калик изменила свою манеру держаться и с любопытством оглядела Ефрема, словно увидев в своем неряшливом визитере нечто такое, что упустила прежде. Она кивнула головой.

Ефрем воспринял это как знак продолжать.

- Байрон Калик, член состоятельной семьи, преуспел самостоятельно, но не из потомственных аристократов. - Ефрем сделал паузу, отметив то, что на этой фразе Вельена Калик приобрела холодный вид. Похоже, даже среди богачей существовала своя иерархия. - В этом отношении мое первоначальное впечатление было неверным. Калики являются частью конгломерата, малой частью, но не настолько малой, чтобы доходы не обеспечивали комфорта... - он обвел жестом галерею, где его соизволила принять Вельена: мебель с изящной обивкой, высокохудожественные произведения искусства и чистый, ароматизированный воздух. - Не чрезмерно, но чуть больше, чем просто зажиточные. «Фермы Карридина», да?

Она снова кивнула.

- Чем он занимался... - Ефрем торопливо поправился. - *Занимается.* Простите. Чем он занимается? Податью?

Еще один кивок. Ее лицо выглядело как каменная маска.

Он задался вопросом, где сейчас Костыль: доставив Ефрема в галерею, где уже ждала госпожа, слуга немедленно оставил их наедине. Несомненно, снаружи, ждет повода ворваться и начать махать кулаками.

- Вы считаете, мой муж мертв, господин Фейд? - спросила Вельена Калик, нарушив его краткое раздумье.

- Это один из вариантов. Я полагаю, вы должны пребывать в немалом отчаянии, чтобы вызвать кого-то вроде меня. Обычно я не получаю контрактов так далеко к северу от полевого тумана. - Он подался вперед на плюшевом кресле, куда его усадили. - Госпожа Калик, у вас счастливый брак? Спрашиваю сугубо потому, что вы не поправили меня в моей квартире, когда я обратился к вам «мамзель».

- Стало быть, вы думаете, что он меня бросил?

- Еще один вариант, но это не ответ на мой вопрос.

- Господин Фейд, я тут не на суде.

- А еще я не могу найти пропавшего человека, не поняв, что он из себя представляет и в каком

душевном состоянии был в день своего исчезновения.

Она уступила перед этим аргументом, вспышка злости угасла.

- Он не был плотским, но... - она помолчала, пытаясь сохранить лоск. - Это работало. Мы работали. - Тут она презрительно улыбнулась. - Я знаю, что вы, должно быть, обо мне думаете. Жесткая стерва, которая хладнокровно высчитывает, как лучше всего обеспечить себе продолжительное процветание, но поверьте, господин Фейд, я люблю своего мужа и хочу убедиться, что с ним не случилось ничего плохого.

- Тогда я вынужден спросить, госпожа Калик: а кто бы мог?

Вельена Калик на мгновение поникла, и ей потребовалось глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться и восстановить свою ледяную выдержку.

- Я не знаю. Правда. Но «Карридин»... вы должны понимать, это могущественные люди. Наниматели моего мужа. Агробароны. Безжалостные. Неприкосновенные.

- У них был мотив причинить ему вред?

- Я не знаю.

- Вам известно о каких-либо ссорах или разногласиях между ним и теми, на кого или с кем он работал?

- Я не знаю.

- В последнее время ваш муж вел себя иначе, что-нибудь указывало на возможные проблемы?

Она помедлила, и Ефрем увидел, что готовится ложь.

- Я не знаю.

Он выдохнул и облизнул губы.

- Послушайте, госпожа Калик, вы хорошо мне платите за услуги, и я хорош в своем деле, но для начала мне нужно больше, чем «я не знаю».

Она вздохнула, но уступила.

- Он был замкнутым человеком, и я относилась к этой замкнутости с уважением. Он действительно работает с податью, тут вы правы, и имел дело с немалым количеством пустотных капитанов, служащих Муниторума и даже вольных торговцев. Подать есть подать...

- Подать, - поддакнул Ефрем, - да, я знаю. Чем конкретно он занимается?

- Цифрами. Он фискал-савант и стряпчий-примус. У Байрона к этому дар.

- И кто его непосредственный начальник?

- Все стряпчие, вне зависимости от ранга, подчиняются одному человеку. Барону Охраму Варру.

- Вы когда-нибудь с ним встречались?

- Какое это имеет значение?

- Вы производите впечатление прагматичной женщины. Мне просто интересна ваша оценка.
- Я с ним не встречалась. Байрону нравится, что разные стороны его жизни не пересекаются.
- Насколько я понимаю, у него есть официум в шпиле «Карридина»?
- Да, но он им практически не пользуется. У него есть приватное жилье ближе к докам и силосным башням.

«Приватное, интересно».

- Полагаю, он не может по какой-либо причине все еще находиться там?
- Десять дней? Искренне в этом сомневаюсь, господин Фейд.
- Вам это точно известно?
- Я послала Костыля.
- И вы ему доверяете.
- Свою жизнь, господин Фейд.
- Ясно.
- Что вы предполагаете?
- Пока ничего. Правда. Мне лишь нужно установить ряд фактов, - Ефрем мгновение подумал, пристально наблюдая за своей будущей работодательницей. - Чего вы боитесь, госпожа Калик?
- Я не боюсь...
- Когда вы в последний раз покидали эту крепость? Я видел электрозашиту, управляемых оружейных сервиторов и небольшую частную армию, которая патрулирует территорию. Чтобы попасть в эту комнату, мне пришлось пройти через три слоя охраны. Мой пистолет лежит в сейфе у одного из ваших привратников. С момента входа в эту галерею меня шесть раз подвергли автопровидению. Мне нужно продолжать?

Она слегка качнула головой, а затем пристально поглядела ему в глаза, принимая решение.

- Мне нужно, чтобы вы кое-что увидели.

«А, ложь была и раньше...»

Отрывистый жест рукой - Ефрем только теперь заметил, что она носила кольца-активаторы - и посреди комнаты возник гололит, создаваемый скрытой проекционной призмой. Это был Байрон Калик, не иначе. Старше нее, но что скажешь наверняка в случае с богачами и их очевидным потреблением омолодителей? Он мог быть *намного* старше. В любом случае, у него были короткие темные волосы, хоть и поседевшие на висках. Крепкие скулы формировали слегка повидавшее виды, но красивое лицо. Элегантно ухожен, хорошо одет в дорогой синий костюм с высоким воротником с золотой отделкой. На левой руке блестело серебряное кольцо, на металлической печатке которого было изображено подобие счетов-абака - видимо, символ верности и власти в «Карридине».

Он выглядел уставшим.

- Вельена... - начал он. Звук слегка потрескивал. - У меня... - Он перевел дух и посмотрел вверх, возможно, надеясь на вмешательство Трона. - Не могу придумать, как лучше сказать. Я кое о чем узнал. По крайней мере, думаю так. Это было в цифрах, но теперь, ну... я не могу... - Он провел рукой по нижней челюсти, пытаясь подобрать слова. - Я не знаю, что буду делать, но мне нужно нечто большее. Доказательство. - Он помедлил, прикрыв рот рукой и на мгновение устремив взгляд вдаль. - Я едва могу поверить, так это масштабно. Трон Терры... Я просто... Я просто не знаю. Если они узнают, пресвятой Император, если они узнают. Оставайся дома. Держи Костыля поблизости. Только до тех пор, пока я не найду выход. Для нас обоих.

На этом запись кончилась. Байрон Калик застыл, прерывая связь. Проклятый портрет отчаявшегося человека.

Первой мыслью Ефрема было: «Вероятно, Байрон Калик мертв».

Вместо этого он сказал:

- Доказательство чего?

- Не представляю. Это было последнее известие, которое я получила от мужа.

- Десять дней - долгий срок, госпожа Калик.

Она ощерилась.

- Вы хотите, чтобы вам заплатили, или нет? Я дала вам контракт и теперь рассчитываю, что вы его выполните. Пока я не увижу тело...

У нее на шее запульсировала жилка, толстая и красная, словно веревка висельника. Ефрем понял, что она едва сдерживается.

Он медленно кивнул.

- Ладно. Мне нужен доступ к приватному жилищу вашего мужа и ко всему, над чем он мог работать. Он что-нибудь хранит здесь?

- Ничего. Как я и сказала, он предпочитает, чтобы разные стороны его жизни не пересекались, однако я позабочусь, чтобы вы получили все необходимое.

- Хорошо. Тогда я начну оттуда. О, - добавил он, - еще одна вещь.

- Назовите ее.

- Мне нужна машина. Желательно что-нибудь дорогое.

Лоснящийся черный «корвейр» плавно въехал на закрытую парковку перед жилым анклавом. Ефрем воспользовался отсеком, отведенным для Байрона Калика, отметив, что там пусто. Если у того и имелось собственное средство передвижения, оно осталось не здесь. Ефрему редко доводилось пользоваться тем, что в его понимании являлось настоящей роскошью. Галерея в крепости Вельены Калик позволила ему прицениться, и теперь он мог насладиться этим филигранным изделием инженеров «Димаксиона». Контракты «Холдингов Димаксиона» были более чем прибыльны. Адепты Механикус, с которыми они вели дела, пользовались в Департаменте Муниторум превосходной репутацией. Как следствие,

«Димаксион» не только поставлял высококлассные машины верхушке общества Варангантюа, но еще и торговал серийными деталями для командных машин «Саламандра», транспортеров «Химера» и всего прочего, что имело в основе этот самый распространенный стандартный шаблон Милитарума.

«Грязь и сталь», - подумалось Ефрему. Два столпа промышленности, подпирающие торговые комбинаты.

Задержавшись в плюшевом салоне чуть дольше строго необходимого, Ефрем выбрался из «корвейра».

Перед ним располагалось довольно непримечательное строение серо-бурого цвета, с незамысловатыми барельефами снаружи, где были высечены изображения имперских святых. За входными воротами дома надзирал проповедующий Себастиан Тор, резные черты которого приобрели в свете позднего дня жутковатое правдоподобие. Чтобы пройти за ворота, Ефрем прибег к помощи бронзового солнечного медальона, врученного ему Вельеной Калик - его же он использовал, чтобы миновать внешний рavelин, отмечавший северную границу жилого анклава, пусть привратники у бронированных мерлонов и одарили егеря кислыми взглядами сквозь лобовое стекло.

Человек и машина явно не вязались друг с другом внешне, что соответствовало истинному положению дел.

Внутри вел коридор, а за тускло освещенным вестибюлем Ефрем обнаружил винтовую лестницу, наверху которой располагалось приватное жилище Байрона Калика. Медальон снова отпер перед ним все двери, и он начал задумываться, что еще может открыть этот неприметный талисман. Такое называли «правом прохода» - разновидность валюты, которой золоченые пользовались, чтобы более свободно перемещаться по городу. Пока что Ефрем решил удовольствоваться квартирой.

Основную часть восточной стороны там занимало большое окно. Экранированное стекло пропускало много света, но не давало пытливым глазам увидеть, что творится внутри. Из главного холла можно было попасть в три другие комнаты. Слева спальня, кровать в ней утилитарная, однако дорогая и неубранная. В предкамере размещается умывальная - опять же функциональная, но не дешевая, несмотря на внешнюю безыскусность. Справа столовая - простая, но хорошо обставленная. Похоже, Байрон Калик имел склонность к сдержанности, но в остальном по его домашним привычкам было мало что видно, если не считать одного обстоятельства: смятые простыни, следы парового обогрева в умывальной и скоропортящиеся продукты в столовой - все это указывало на то, что здесь недавно жили. Тут кто-то был. Либо Костыль солгал своей госпоже, либо жилец не хотел, чтобы его увидели. Как бы то ни было, декор сильно отличался от той роскоши, которую Ефрем видел в крепости Каликов, и он задумался, не являлось ли это камнем преткновения между мужем и женой. Если Байрон *все-таки* был жив, возможно, требовалось вернуться к теории о неверности. А кто-то точно *был* жив и пользовался этим местом.

Комната прямо впереди оказалась еще интереснее. Она была больше двух других, и именно в ней явно и работал Байрон. Главную роль в помещении теплых красновато-коричневых тонов с толстыми коврами и массивными шторами играл большой стол. Не роскошный сам по себе, но в плане составляющих - потрясающего качества. Ефрем приблизил нос к темному лаку, провел рукой по поверхности и так и не смог понять, не *настоящее* ли это дерево. Если так и было, то стоимость стола выходила за рамки неприличной. Он подумал об изнуренных массах, о тех несчастных долбаных подонках, растираемых каблуком города, и решил, что Байрон Калик стал нравиться ему чуть меньше.

Стол был устлан бумагами, кальками и пергаменентами. Графики и фискальные расчеты, столбцы

обведены красными чернилами, непонятные пометки на полях; Ефрем слабо понимал, что за учет вел этот человек. Однако Байрон Калик явно искал в своих цифрах некий коррелирующий фактор. Документы в запертом ящике под столешницей, доступ к которым дал солнечный медальон, оказались более информативными.

Особенно выделялся инфослиток. Он выглядел многообещающе, так что Ефрем убрал его в карман вместе с отдельным планшетом, который Байрон оставил внутри. Также он обнаружил контракт с печатью Адептус Алекто на собственность в Драге – скорее всего, силосная башня или склад, поскольку большинство коммерческих строений в этом дерьмовом районе попадали либо в первую, либо во вторую категорию. Другой документ относился к кибернетической мастерской низкого уровня: дешевая аугметика, инфошунты и обслуживание сервиторов, судя по записи чернилами, небрежно начерканной поверх сервисной декларации продавца. Почерк был тем же, что на фискальных расчетах, то есть, видимо, принадлежал Байрону Калику. Бросалась в глаза отметка об авторизации, проштампованная на пергаменте. Она отличалась от рисунка на кольце, которое Ефрем видел у Байрона Калика на гололите, поэтому он задался вопросом, кому же она принадлежит. Оставалось неясным, что в подобном заведении могло заинтересовать фискала-саванта. Адрес в грубо напечатанной рамке был подчеркнут. Возможно, план визита? И напоследок, стопка грузовых деклараций. Пустотные суда, судя по пунктам отправления, ни один из которых Ефрем не узнавал. Приняв во внимание приблизительный тоннаж указанного груза, он решил, что это грузовой корабль или что-то более крупное. Основную часть составляли минералы, специи и прочее сырье, но также среди содержимого трюмов упоминалось нечто под названием «гедж». Снова не владея информацией на этот счет, Ефрем предположил, что речь идет о всякой мелочи, и как раз запихивал значимые документы в карман, чтобы обдумать их позже, когда его глаз уловил стремительное движение.

Старые инстинкты и обостренные после приема клэя чувства заставили его пригнуться за секунду до того, как стол изрешетили пули. Дождем посыпались щепки, и он прикрыл голову. Крошечные деревянные иглы впились в незащищенную кожу рук.

- Трон с дерьмом!

Жгло, как во всех преисподних.

Плавным движением вытянув «вульпер» из плечевой кобуры, Ефрем выстрелил вслепую. Раздавшийся грохот сотряс экранированное стекло и, вероятно, оповестил о происходящих неприятностях всех санкционеров в округе или зрителя жилого анклава. Привлекать внимание не входило в план, но в него как-никак стреляли. Это оправдывало встречные действия.

В ответ последовала еще одна очередь, рвавшая облицовку в клочья и превращавшая стол в настолько дорогие дрова, что у Ефрема заболело сердце при мысли об этом.

Под гром своего пульса он сделал ответный выстрел. Снова грохнуло, так же резко, как и в первый раз, и теперь он мельком заметил, что нападавший выбегает через дверь в коридор.

- Стой! - закричал он. - Не двигаться на хрен!

Вскочив и оттолкнувшись аугметикой, он перепрыгнул через щербатый от пуль стол и бросился следом. Вылетев в дверь и только с запозданием сообразив, как неразумно это было, коль скоро противник мог поджидать в засаде по ту сторону, он увидел однозначно женскую фигуру, которая мчалась по коридору так, словно ей на пятки наступал сам чертов Гор.

Имея прекрасную позицию, Ефрем выставил «вульпер» перед собой, словно длань самого Бога-Императора, но не выстрелил. Вместо этого он выругался от адской боли в ноге и пустился в погоню. У лестницы он оказался как раз к тому моменту, как таинственная женщина одолела половину пути вниз. Когда он ухватился за перила с балясинами, она глянула вверх и хлестнула очередь, чтобы отбить желание ее преследовать.

- Моча святого!

Ефрем нырнул обратно. Часть балясин разлетелась от разорвавших их пуль. Выждав несколько секунд, он рывком высунулся на свою смотровую позицию. Женщина, лицо которой скрывал серый плащ с капюшоном, уже успела достичь вестибюля и стрелой неслась к выходу. На бегу ее плащ разошелся, и стал виден темно-серый костюм с ботинками до колен. Немного, но достаточно, чтобы сделать вывод: это не Вельена Калик.

Ефрем оглядел разбитые перила, а затем попытался оценить расстояние до низа. Он нахмурился, выругался про себя и прыгнул. Другие этажи расплылись, будто размазанный рисунок. Через три секунды его встретил пол; голова с позвоночником сотряслась, но он приземлился на протез, и тот принял на себя основной удар. Наркотик тоже помог. Сыпя ругательствами, он захромал наружу из жилого комплекса и вышел прямо под хеллганы зрителей.

- Бросай оружие! - Громкоговоритель взвыл, словно банши, сотрясая кости и цепляя истрепанные нервы. Он был встроен в вокс-маску зрителя и походил на ощерившийся рот. Теплый дождь, никак не облегчавший жару, падал ленивыми порывами, блестя на черном панцире плетеных костюмов. Забрала шлемов были покрыты брызгами. Капюшоны надвинуты. С дул винтовок, словно из зияющих канализационных труб, падали капли, а плащ Ефрема был усеян множеством красных точек прицелов, похожих на оспины.

Он положил «вульпер», медленно и аккуратно.

- Подними свои проклятые руки!

Ефрем повиновался полумеханическому рыку, взглядом выискивая среди дождя женщину, но та скрылась до появления зрителей, или же они позволили ей пройти. Воздух помутнел от жары, и из-за сельскохозяйственного грунта образовывался туман. Каким-то образом она ускользнула.

- Смотреть вниз, тварь!

- Я здесь по официальной работе, - сказал Ефрем, игнорируя оскорбление.

Зритель скрежещуще хохотнул сквозь вокс-маску.

- Долбаные егеря...

К нему приблизились ноги в ботинках, металлические носы которых блестели в лучах фонарей.

- Правда, я... - начал было Ефрем и ощутил, как в затылок с треском ударил приклад хеллгана. Земля накренилась, напозла тьма, сменяя день ночью, а потом... ничего.

Ефрем сощурился. От резкого света на сетчатке вспыхнули расплывчатые остаточные следы.

- Семь... - ответил он, моргая, когда свет погас.

Медикэ раздраженно вздохнула.

- Жить будет.

Встав с корточек, она подобрала свою медицинскую сумку, повернулась и вышла из комнаты.

Ефрему она казалась размазанным пятном в длинном серовато-белом халате. После ее ухода стала видна еще одна фигура - в простой черной форме, облокотившаяся на стол. Поверх ее скрещенных рук змеились светло-серые трубки, а ореол власти ощущался и без дополнительных внешних атрибутов.

- Я хочу подать официальную жалобу... - начал было Ефрем.

- Скажи это карателю, который ждет с парой экскруциаторов, - отозвалась фигура.

- Я хочу немедленно отозвать любые жалобы. Аве Лекс.

Он отсалютовал. Паршиво.

Она улыбнулась, эта фигура, и покачала головой.

- Какого черта ты делал в том жилом анклаве, Фейд?

- Фейд? - повторил он, усевшись с таким видом, словно его неожиданно оскорбили. - Фейд, вот как? Неужто мы и впрямь так давно...

- Несколько жизней назад, - сурово перебила она. - Отвечай на вопрос.

Их окружал голый рокрит, натриевая лампа над головой мерцала и стрекотала, будто в предсмертных судорогах. Единственная дверь вела в серый коридор. Она была укреплена пласталью и снабжена смотровой щелью. Камера.

- Во-первых, - ответил Ефрем, - я так понимаю, что должен поблагодарить тебя, раз те надзиратели не выбили из меня все дерьмо и не бросили умирать в каком-нибудь переулке на задворках.

- Нет, но санкционеры Бастиона-Г не выбили из тебя все дерьмо и не оставили в каком-нибудь переулке на задворках действительно благодаря мне. Почему ты там находился?

Она подалась вперед, так что свет упал на лицо. Она выглядела хорошо - так же хорошо, как ему помнилось. Худощавое лицо, короткие белые волосы, светлый шрам на лбу. Осколочное ранение. Скверное. Фантомная конечность запротестовала, и он похлопал по аугметике.

Ефрем улыбнулся.

- Я еще тогда в полку знал, что власть тебе пойдет.

Она совсем не утратила атлетичного телосложения. Широкие плечи, тяжелые ботинки. Он мог представить, как Сераф Чиастро вышибает двери и избивает выродков - все во имя Лекс-Алекто. Вблизи от нее пахло розовой водой и оружейным маслом.

- В меня стреляет меньше засранцев... - произнесла она с тенью ностальгии. - Чуть-чуть.

- Погляди на нас, а? Двое старых друзей вспоминают минувшие времена, - он потянулся за куском клэя,

которого у него не было.

- Давно минувшие. Сдается мне, я все же позову карателя... - она собралась двинуться к двери камеры.

Ефрем примирительно вскинул руки.

- Эй, эй, не нужно ничего такого. Ослабь тиски для пальцев, я все скажу.

Она снова приняла прежнюю позу, облокотившись на стол.

- Я вроде бы припоминаю, что тебя было нелегко заставить *перестать* говорить.

- И кто теперь предается воспоминаниям?

Ее лицо стало жестче. Работа, и больше ничего.

- Жилой анклав. Почему? *Сейчас же*.

- Байрон Калик.

- Это имя должно иметь для меня какое-то значение?

- Оно имеет значение для его жены, Вельены Калик. Она наняла меня, чтобы его найти. Он фискал-савант в «Карридине».

Сераф присвистнула.

- Трон, ты лучше поосторожнее с этим домом торгашей.

- Это моя следующая остановка.

- Если явишься туда со своим обычным *обаянием*, она может оказаться для тебя последней. Надеюсь, тебе хорошо платят.

- Довольно хорошо. Сераф, это я страх слышу?

- Прагматизм. И для тебя лейтенант Чиастро, сержант.

- Уже нет. Как ты и сказала, - печально добавил он, - несколько жизней...

- Скорее, десять лет.

- Но ты-то теперь служишь Лекс-Алекто, а? Правосудие, закон, вот это все. Он пропал, Сераф. Считается погибшим.

- Кем считается?

- Мной.

- Тогда кто же, как говорят, стрелял в тебя в резиденции Калика?

- Одна из нескольких предстоящих мне загадок.

- Найди любое доказательство нарушений у «Карридина», и я приведу всех санкционеров района. - Она проникательно изучила его своим фирменным взглядом, и он снова оказался в каперских казармах. - Но у тебя их нет, верно?

- Ничего, близкого к уверенности, но...

- И ты действительно считаешь, что он мертв – этот человек, которого ты ищешь?

- Это вероятно. Я знаю, что кто-то стрелял в меня за вынюхивание возле его жилища.

Ее бровь слегка приподнялась. У нее так и остались те же привычки.

- Нашел что-то интересное, пока был там?

Ефрем пожал плечами.

- Возможности не представилось. Были слишком занят, уклонялся от пуль. Я могу идти?

Испытующе поглядев на него еще несколько секунд, Сераф кивнула.

Вставая со стула, он застонал от обычной боли. *Опять начинается...* Казалось, будто кости сделаны из растянутой резины, а вместо кожи мясная отбивная.

- Мне нужно маленькое одолжение.

Хмурый взгляд.

- Еще вот *столько*, и я сама тебя ударю пистолетом, – произнесла она, продемонстрировав крошечный зазор между большим и указательным пальцами, сжатыми щепотью.

- Сераф, мне нужно твое разрешение. Воля кастеляна открывает двери.

- А твоя – нет? У тебя же есть лицензия, так? Оформленная Лексом?

- Не для той встречи, которой я хочу. Сераф, я думаю, что дело не только в пропаже человека. Мне нужно двигаться быстро.

Сераф насупилась, а затем выругалась. Она кивнула.

Ефрем свел руки вместе, словно кающийся грешник.

- Ты как всегда меня спасаешь.

- Лучше следи за своим поведением в «Карридине», иначе, клянусь Самим Богом-Императором, я тебя на хрен пристрелю.

- Длань Его, – произнес Ефрем, кланяясь.

- Не смей так говорить. Проваливай.

- Еще последнее... Ты знаешь, что такое «гедж»?

- Без понятия. Уходи сейчас же, не то уже не уйдешь.

Он тепло улыбнулся и помедлил прямо перед тем, как шагнуть в дверной проем.

- Но то были славные времена, правда?

Продолжая опираться на стол, Сераф уставилась в стену камеры.

- Ефрем, у тебя кончаются одолжения.
- Знаю, - сказал он, выходя в коридор снаружи, - но...
- Но что?
- Ты только что назвала меня Ефремом.

«Фермы Карридина» представляли собой готический монолит, суровой громадой проступавший сквозь слои полевого тумана. Его обслуживали стаи сервочерепов, а также бледнокожих киберхерувимов, курильницы которых очищали воздух от большей части летучих спор, сохраняя сверкающее великолепие. Как и все большие торговые комбинаты Геновски, здание напоминало копье из стекла и металла, вонзившееся в панораму Варангантюа. Крепости и поскромнее этой когда-то осаждали целыми армиями, а народы устраивали войны за богатства меньше тех, что хранились внутри.

Основание исполинского сооружения, находившееся ниже мгlistой полосы аэрозольной мульчи и грязевых частиц, было усилено опорами с контрфорсами. Именно здесь «Карридин» держал свои промышленные обрабатывающие машины, которые изрыгали дым и химические загрязнители, превращая мясо с зерном в прокат и углеводные пайки. Поддерживать Милитарум в сытости, поддерживать военную машину на ходу - таков был девиз компании. Пусть другие торговые гильдии поставляют танки и пушки, агробароны же набьют голодное солдатское брюхо. Уровнем выше располагались бригады нарезчиков и упаковщиков: мясники-учетчики, деление проката, дозирование зерна, подготовка к отправке груза на Ниву. Лишь немногим чище этих низовых подразделений были официумы, крошечные выгородки со смотровыми щелями вместо окон, похожие на клетки, где размещались сотни людей: фискалы-саванты, писцы и контролеры, которые вели измерения и поддерживали баланс доходов склоненным в пользу комбината. Там, где грязный утилитарный рокрит сменялся стеклом и хромом, появлялась еще более высокая каста. В шпилях обитали агробароны и их избранные вассалы: мужчины и женщины, выступавшие посредниками в делах власти и в буквальном смысле являвшиеся разделительной линией между слугой и господином. А вершину шпилей венчал сверкающий, бесстыдно богатый обелиск - роскошные владения самого лорда Карридина. Так обеспечивалась работа промышленности «Карридина» и тонко поддерживалась в равновесии опора его доходов.

Ефрем видел масштабы предприятия сквозь стеклянную стену трубы подъемника, который уносил его все выше. Мимо вереницей проплывали чумазые рабочие бригад, сервиторы с мертвыми глазами и окутанные дымом разделочные машины; перемазанные кровью забойщики, изможденные нарезчики и похожие на ангары склады; сторбленные щурящиеся писцы, кибернетически усовершенствованные саванты, вертящиеся катушки котировочных лент и бесконечные футляры с пергаменами и кальками. Все - каждая грязная шестеренка, колесико и болт, поддерживавшие работу машины. Индустрия самого безжалостного толка - та, что кормится кровью, костями и потом, потоком принося прибыль золоченым хозяевам на другом ее конце.

Когда он приблизился к конечному пункту, лифт замедлил ход, и головокружение, грозившее насильственным опорожнением желудка и кишечника, ослабело. Тем не менее, Ефрему пришлось ухватиться за перила для опоры - пол под ним как будто раскачивался и вращался.

Ощущение пневматической тяги резко пропало, и в стене трубы открылась дверь, за которой показался привратник в броне цвета ржаво-красного хрома с чеканным серебром. Лицо скрывала вуаль из цепочек,

сжатые перчатки крепко держали электропику. На бедре привратника в кожаной кобуре находился пистолет сложного вида, какое-то зажигательное оружие.

Ефрем извлек санкционированную печать, после чего электропика отключилась, а привратник четким движением отступил в сторону.

- Вольно, - заметил Ефрем, проходя мимо и небрежно салютуя, однако страж остался невозмутим и не повелся на это.

Клэй уже и впрямь отпустил, и без него пришли вялость и раздражение. Ефрем пообещал себе постараться, чтобы из-за этого его не убили. Мысли кувыркались у него в голове, а он тем временем шел по первоклассно обставленному, но напрочь лишённому шарма коридору, который вел к покоям Охрама Варра. Он чувствовал себя не в своей тарелке, и дело было не только в охранниках с летальным вооружением. Женщина, стрелявшая в него, оставалась неизвестной. Судя по всему, он застал ее врасплох, и она открыла огонь инстинктивно. Она прижала его, но предпочла не драться, а сбежать. Следовательно, она либо была напугана, либо же не желала раскрывать свою личность. Это не объясняло, каким образом она связана с Байроном Каликом, хотя у Ефрема и имелись свои подозрения. Также он обдумал, почему солгал Сераф. Самому себе он сказал, что пока еще ничего не знает - по крайней мере, ничего важного. По правде говоря, он задавался вопросом, не заключалась ли подлинная причина в том, что он ей не доверял, не вполне. Дни, проведенные ими в полку, никогда еще не казались настолько далекими. В Милитаруме легко доверять, ведь врагами как правило являются те, кто пытается тебя убить. В Варангантюа же, между подонками из низов и золочеными верхами, такой прямолинейности и близко не было. Вместе с отвращением Ефрем испытывал и тоску по тем военным временам, когда драки были честнее, пусть и гораздо кровавее. Он похлопал себя по аугметике и осознал, что добрался до конца коридора.

Дорогу преградила пара бронзовых дверей. Художник изваял в металле стилизованное подобие двух тружеников Империиума: мужчина и женщина, одна с граблями, другой с молотом, головы горделиво подняты к изображению Золотого Трона, окруженного яркими солнечными лучами. Славная работа, честный труд - все для Него на Терре... величайшая ложь Имперского Кредо.

Сервочереп, отделившийся от гнезда над дверью, скользнул вниз на гудящих суспензорных полях и обдал Ефрема зернистым красным светом сенсориума. Через несколько секунд цвет с красного сменился на зеленый, и смертоносные игольники, установленные на обоих висках, втянулись назад под черепной свод.

<Проходите...> - проблеял он с жесткой механической интонацией и воспарил обратно на свой насест.

Ефрем оставил свой «вультпер» у охраны наружных ворот. Он подумывал, не умолчать ли об оружии, и теперь задался вопросом, что бы произошло, поступи он так. Пресекая дальнейшие размышления на этот счет, двери разошлись в стороны, открываясь внутрь роскошных покоев агробарона.

Перед Ефремом простиралась длинная прямоугольная комната; двери за ним плавно закрылись. Центральный проход, застеленный плюшевым ковром и окаймленный колоннами из белого мрамора, вел к большому черному столу. Колонны образовывали нечто вроде внутренней аркады. С одной стороны за огромным окном с экранированным стеклом открывалась панорама Нивы; с другой располагалась галерея штрихованных набросков в рамках, которые изображали старинную сельскохозяйственную технику - тракторы, молотилки, комбайны и оросители. Одно произведение отличалось от остальных - зоологическое пособие по гроксу. Художник дотошно исполнил ящера с нескольких ракурсов, а также

включил детализированные вставки о зубах, когтях и хвосте.

- Удивительные создания...

Сидевший за столом человек не поднимал глаз от своих записей. Автоперо шумно скребло по разложенным перед ним скруткам пергамента.

- Стадные животные, открытые первыми имперскими поселенцами. С них брали мясо, шкуру на кожи, зубы и когти для клинков. От носа до хвоста, - продолжил он, при этом яростно строчившая кибернетическая конечность сделала паузу. - Прошу прощения, - добавил он, и выражение его молодого темнокожего лица сменилось теплой улыбкой. - Учетные журналы. Спрос на прокат никогда не был так велик. В пустоте идет война, ну или так мне говорят.

Прокат, сильно переработанное мясо с высоким содержанием белка. Дешев в производстве, медленно портится. Идеальная пища для солдат в пустоте.

- А когда ее не было, - заметил Ефрем, подходя к столу. Он ощущал себя, словно кадет в присутствии дисциплинарного инструктора.

Мужчина согласно кивнул и поднялся на ноги. Его волосы были черными, аккуратно подстриженными. Он носил простой костюм песочного цвета, производивший впечатление военной формы. Темно-коричневый жилет выглядел жестким, и Ефрем задумался, нет ли там легкой брони. На левой руке блестело эбеново-черное кольцо, эмблему на котором было слишком сложно разглядеть в тусклом свете.

- Послушны, но свирепы, если их разозлить. Всеядны, то есть, говоря иначе, - добавил человек, - съедят что угодно. Зерно, листья, плоть и кости. Даже ткань, пластик.

- Удивительно, - отозвался Ефрем, но без энтузиазма.

- Вы здесь в поисках информации о местонахождении Байрона Калика, - произнес мужчина, застав егеря врасплох. Он проворно обогнул крепкий черный стол и указал на пару кресел из кожи грокса. Между ними стоял маленький круглый столик с изукрашенным декантером. Внутри мерцала темно-золотистая жидкость, и Ефрем почувствовал, как на языке начинает наворачиваться слюна.

- Это так... - ответил он.

Ефрем оглядел пространство позади стола. Сверху нависал портрет мужчины. Тот царственно восседал в студии какого-то художника, облаченный в тот же самый костюм, но вдобавок с плащом из алой шерсти, перекинутым через одно плечо, и рельефным серебряным щитом поверх другого. Альков позади стола и прямо под надменным портретом был погружен в глубокий сумрак, но Ефрем уловил очертания статуи.

«Тщеславие, имя тебе - Охрам Варр», - подумал он, присоединившись к мужчине возле величественного стеклянного окна.

- Похоже, вы удивлены, господин?..

- Ефрем Фейд, - сообщил Ефрем.

- Обычно люди, которым вы желаете задать вопросы, не столь уступчивы?

- Да вы как будто в точности знаете, о чем я думаю, господин Варр.

- Это дар, - произнес Варр, вновь улыбнувшись, и потянулся за декантером и двумя хрустальными

чашами. – Не желаете ли...

– Я очень бы желал выпить, сэр, – перебил его Ефрем. – Видите, – добавил он. – Я тоже умею читать мысли.

Еще одна улыбка, более натянутая.

– Весьма забавно, господин Фейд.

Он начал было разливать, но опять оказался перебит – учетным журналом, приземлившимся перед ним.

– Что вы можете об этом сказать, господин Варр? Полагаю, вы знакомы с фискальными вопросами? – произнес Ефрем, откинувшись в кресле под скрип гроксовой кожи. – Что до меня, я мало знаю о цифрах, однако Байрон Калик явно их знал.

Поставив наполовину заполненную чашу, Варр изучил пергамент.

Его глаза сузились.

– Где вы это достали?

Он спросил это так праздно, так беззаботно, будто интересовался погодой. Однако настроение переменилось. Ефрем словно ощутил посреди жары ледяную прожилку.

– В приватном жилье, принадлежащем Байрону Калику.

– Я не знал, что у него такое есть.

– Видимо, ему нравилось разграничивать.

Варр с деланно-недостаточным интересом просмотрел журнал.

– Я не савант, для этого у меня есть люди вроде Байрона.

– Люди вроде Байрона?

– Он исполнительный работник, получающий за свои таланты хорошее вознаграждение. Кажется, у него есть частный дом к северу от полевой завесы. Может быть, он нездоров; вы посещали его резиденцию?

– Посещал. Его там не было. Над чем он работал? Он выглядел нездоровым? Взвинченным?

– Работа не щадит, войны за нашими границами тяжело всем даются.

– Вы, похоже, процветаете.

Варр ответил холодной улыбкой.

– Все мы по-своему страдаем.

– Можно и так выразиться.

– А вы, господин Фейд, как бы... *выразились*?

– Скажите, господин Варр, о чем я думаю прямо сейчас?

Варр оглядел его с новообретенной враждебностью.

- Господин Фейд, урожаи «Карридина» сейчас растут. Они никогда не бывали выше, и то же самое с нашими объемами выпуска. Доходы взлетают, подати Департаменту Муниторум цветут пышным цветом, и таким образом Милитарум, от которого столь зависит поддержание нашей безопасности, свободы и преуспеяния, остается силен и хорошо накормлен. Все во славу Его на Терре. Это не проходит даром, а савантам обходится дороже, чем большинству, - Варр откинулся назад, копируя позу гостя. - Вот что я могу об этом сказать. Но настоящий вопрос: что вы об этом *сказали*? И под «сказали» я подразумеваю «выдумали», конечно же. Я вел себя исключительно сговорчиво, господин Фейд, однако я полагаю, что вы явились в этот дом по ложному поводу.

- Уверю вас, господин Варр, в моем поводе нет ничего ложного.

- Я предлагаю вам свое гостеприимство, мою учтивость, а вы платите за них дешевым трюком.

- Это не трюк, господин Варр, хотя и признаю: дешево. Но это не я увиливаю, верно? Вы убили его, господин Варр?

Варр закончил разливать напитки и сделал глоток, разглядывая егеря.

- Вам здесь не место, господин Фейд. Это юпитерианский шелковистый коньяк. Ручаюсь, он стоит дороже всего, чем вы владеете, даже этой аугметической ноги, которая, должно быть, опустошила ваши запасы плиток. Вы думаете, что раз вы не из моего мира, то я не способен до вас дотянуться: что вы ниже моего внимания и потому будете проигнорированы. Я последовательный человек. Я не игнорирую *ничего*. Вы считаете, что в переулках на задворках низовых районов опасно, но скажу я вам, *сэр*, вы совершенно не подготовлены к тому, насколько опасно может быть над полевой завесой.

- Плоть, кости и ткань, а?

Варр нахмурился.

- Можете уходить, господин Фейд. У меня больше для вас ничего нет. Не возвращайтесь.

Статуя в алькове шевельнулась, и Ефрем осознал, что это вообще не статуя, а человек; хотя, строго говоря, и не человек, поскольку его левый глаз залил сумрак алым светом. Сервитор. Телохранитель, если быть точным.

- Иначе я велю Псу вас вышвырнуть, а он не деликатен.

С дальнего конца алькова донесся скрежет дернувшихся сервоприводов, механизированной смерти. Сервитор сделал несколько громышающих шагов, тяжело стуча металлическими ногами по ковру на полу. Ефрему представились скрытые цепные клинки и другое вооружение, встроенное внутрь кибернетического тела. Он прикончил свою выпивку, причмокнув губами от неожиданного тепла.

- Неплохо, - сказал он.

Пальцы на левой руке сервитора раздвинулись, разделились на части и разошлись. Показался энергетический меч, клинок которого сладкозвучно потрескивал. Оружие выглядело сделанным на Марсе. И дорогим.

- Жаль испачкать всю эту красоту, - произнес Ефрем.

- О, я бы не беспокоился. Отчищается довольно легко.

- Пес?

- Как еще назвать верного и послушного слугу?

Ефрем неискренне ухмыльнулся, а затем кивнул и направился к выходу.

Голос Варра догнал его в застеленном ковром проходе:

- Я искренне надеюсь, что вы найдете его, господин Фейд.

- О, я найду, - отозвался Ефрем. - В этом могу вас заверить.

Ночь напозла на район, словно плащ палача. За пределами верхних уровней владений «Карридина» жара вернулась, причем с процентами. Спина рубашки Ефрема промокла от пота, воздух был липким и насыщенным полевыми спорами. Респиратор, отфильтровывавший худшую их часть, лежал в плаще - под рукой на случай, когда станет особенно паршиво. Чашечка затуманилась от дыхания, а Ефрем направился через полупустую парковку туда, где оставил свой «корвейр», уже не в первый раз за день жалея, что у него нет кусочка клэя, чтобы снять напряжение. Ногу начинало подклинивать, контакт с загрязненной атмосферой вредил сочленениям, несмотря на керамическую оболочку. Снова и снова прокручивая в голове мысли об Охране Варре и том, разумно ли было сознательно идти с ним на конфликт, Ефрем уже почти добрался до «корвейра», когда ощутил, как ему в бок ткнули пистолетом.

«Должно быть, похмелье делает меня беспечным...»

- Рана в живот с близкого расстояния убьет тебя медленно, - прошипела женщина. Он чувствовал на шее тепло ее дыхания. - Ты не сможешь двигаться. Ты умрешь здесь, в этом грязном дворе, и это будет очень, очень больно.

- Стаб-пистолет? - рискнул предположить Ефрем, слегка приподнимая руки.

- Пули дум-дум.

Он кивнул, уловив едва заметный аромат цветущего цитруса.

- Сойдет. Я так понимаю, мы уже встречались?

- Видишь спидер, вон там возле поворота?

Ефрем пробежался глазами и обнаружил указанную машину на другом конце двора напротив места, где он поставил «корвейр». Раньше он ее не заметил, но она стояла там, покачиваясь на антигравитационных репульсорах в нескольких дюймах над дорожным покрытием. Выдавшая виды сколотая красная краска, раскладная крыша и экранированное лобовое стекло.

- Мило, - соврал он.

Она с силой ткнула его стаббером.

- Садись внутрь.

Они вместе двинулись к спидеру; ее рука скользнула ему под локоть, словно они были парой возлюбленных, вышедших на вечернюю прогулку. Он повернулся и мельком, всего вполглаза увидел серый плащ с капюшоном, проблеск бледной кожи.

- Смотреть вперед, - предупредила она: коротко и вложив ровно столько угрозы, чтобы он понял, что она не шутит.

- Ты мне скажешь, куда мы едем? - поинтересовался Ефрем, когда они дошли до транспорта.

- Нет.

Он залез внутрь, так же поступила она, и они вместе покинули двор.

Дороги, ведущие прочь от «Карридина», ломались от грузовых транспортеров и потока рабочих смен. Рядом с машинами гудели маглевы, а тротуары были забиты трудовыми рабами, просителями и писцами низового уровня. Зажженные угольницы отбрасывали трепещущие тени на патрицианские лица колоссальных статуй, которые стояли у муниципальных зданий или держали на своих широких гранитных спинах мосты. Среди колышущихся толп, словно готические монументы, стояли храмы Экклезиархии, заклинавшие всех искать убежища в свете Императора. Горожане стекались к их огромным бронзовым воротам очередями, которые тянулись за повороты улиц. Жрецы разбрасывали благовония и плевались катехизисами. Священный страх - прекрасный мотиватор, и сундуки Церкви переполнялись. Моральное падение, как и все остальное в Варангантюа, имело свой денежный эквивалент.

Пока они двигались сквозь внутренние сплетения города, где все его грубые механизмы были на виду, Ефрем попытался еще раз глянуть на свою похитительницу в отражении на внутренней поверхности экранированного лобового стекла. Мало что было видно. Все тот же серый капюшон, плотно поджатые губы. Ворот высоко поднят и затянут. Молодая, судя по тем чертам, что он смог различить. Начала складываться теория.

Одна ее рука оставалась на руле, а вторая - на пистолете, который она держала поперек своего тела, безошибочно направляя его Ефрему в живот.

- Очень, очень больно, - проговорила она, глядя вперед.

- Я помню.

Спидер пробрался сквозь понемногу редееющее движение, и толпы горожан тоже поредели, поскольку они заехали в один из мутных трущобных районов Геновски. Дороги стали более узкими и запутанными, в поле зрения появились кренящиеся опустошенные факторумы и одиночные жилые дома. На провисших проводах, натянутых между противостоящими жилыми башнями, болтались мерцающие натриевые лампы. В бочках пылали костры, а вокруг них толпились сумрачные фигуры, подставлявшие руки теплу. Несмотря на жару, казалось, будто здесь холоднее, словно из нутра этого места вынули какую-то жизненно важную часть и оставили его медленно умирать.

Женщина остановила спидер перед кабаком под названием «Гетто».

- Малость прямолинейно... - заметил Ефрем.

- На выход.

Он повиновался, чувствуя воображаемый жар от нацеленного ему в бок пистолета.

- Байрон Калик, - рискнул заговорить он и буквально услышал, как она непроизвольно дернулась, выходя из спидера, - ты его знаешь.

Она невесело усмехнулась, обходя машину сзади.

- Едва ли это дедукция.

- Госпожа Калик знала?

Она окостенела и ткнула пистолетом Ефрему в спину.

- Внутрь.

- Стало быть, *знала*.

«*Это интересно*».

Еще один тычок, посильнее. Ефрем почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

- Сраные угодники, - прошипел он сквозь сжатые зубы.

Они вошли в бар.

Тусклые натриевые лампы создавали желтоватую мглу в мрачном запущенном заведении. Повсюду располагались кабинки, а непосредственно барная стойка, длинная полоса исцарапанной и опаленной керамики, находилась на заднем краю. Дородный бармен, у которого практически везде было написано, что он бывший бандит, обслуживал кучку пьяниц, навалившихся на стойку. Привратница, гораздо более неотесанная, однако не менее устрашающая, чем охрана жилого анклава Калика, вполглаза глянула на новоприбывших, но не более того. Под темно-зеленой кожаной одеждой бугрились генетически наращенные мышцы. Даже ее многочисленные татуировки выглядели мускулистыми.

- Твоя подружка?

Очередной тычок заставил его пожалеть об этом. А еще подтолкнул к кабинке неподалеку.

- Садись, - сказала похитительница. Она уселась напротив, пистолет исчез под столом. Женщина откинула капюшон, и Ефрем впервые смог ее как следует рассмотреть.

Молодая, как он и предположил изначально, с темными волосами до плеч. У нее не было видимых шрамов, но телосложение и самообладание говорили о жесткой физической подготовке. Один глаз у нее был зеленым, а второй цвета янтаря, и Ефрем сперва принял это за гетерохромию, но потом сообразил, что это какая-то ретинальная линза, скорее всего - инфооблако. Однако она не была похожа ни на одного из тех пробаторов, которых ему случалось видеть прежде.

- Вероника Каулдер, - представилась она и протянула руку в перчатке. В полумраке слегка блеснули гаптические имплантаты на пальцах.

- Эта штука считывает мой идентификационный след и вывалит информацию на имплантат с инфооблаком, который ты носишь?

- Хороший глаз, - неохотно признала она, но так и продолжала протягивать ладонь.

- Не такой хороший, как у тебя, - отозвался Ефрем и ответил на рукопожатие, поняв, что это не приглашение, а требование.

У Вероники Каулдер была крепкая хватка: либо в перчатке имелась аугметика, либо же она демонстрировала еще более жесткую подготовку, чем предполагал Ефрем. Она несколько секунд

поддержала его руку, глядя прямо перед собой, а затем отпустила.

- Я прошел? - спросил Ефрем.

Она опустила оружие.

- Ефрем Фейд, егерь из низов.

- Если бы ты спросила, я бы и так сказал.

- Раньше служил в Милитаруме.

- Этого бы я разглашать не стал. Не поделишься ли, кто ты, черт побери, такая на самом деле?

Она одарила его натянутой неискренней улыбкой, не затронувшей ее глаз - такое выражение лица Ефрем видел у аббатов-инструкторов перед тем, как они командовали забег на двадцать миль в полной выкладке. Скрежет металла по столу заставил его опустить глаза на небольшой значок в форме аквилы, выкованный из темного железа, чтобы не отсвечивать. Поверх двуглавого символа Империи красовались традиционные кулак и весы Его правосудия. Их ни с чем нельзя было спутать.

- Чтоб меня.

Он бросил взгляд обратно на Веронику Каулдер, потом на значок, а потом снова на нее.

- Арбитратор? - Он присвистнул. - Вот дерьмо. Мне следует беспокоиться? Мне одной руки хватит, чтобы пересчитать, сколько раз я пересекался с Арбитес. - Он поднял сжатый кулак. - О, глядите-ка, ни разу. Ни единого. Что вы делаете в Варангантюа?

- Байрон Калик, - просто сказала она. - Что же до вашего первого вопроса, это зависит от того, чем он интересуется вас.

Она спрятала значок и положила обе руки на стол, одну поверх другой.

- Так мы теперь союзники? - поинтересовался Ефрем, предположив, что она убрала стаббер в кобуру.

- Как я и сказала, зависит от обстоятельств.

- Я его разыскиваю. Это контракт, - объяснил Ефрем. - От его жены, Вельены Калик. В чем тут интерес для Арбитес, и зачем все эти плащ и кинжал?

- Я тоже его разыскиваю.

- И спите с ним. Это разве не против правил или вроде того?

- Очень смешно, - произнесла она ровным голосом, не ведаясь на то, что не соответствовало истине. Пусть она и не была его любовницей, однако между ними существовала какая-то связь. Она пыталась обезопасить его.

- Вы встречались с его работодателем?

- Охрам Варр, он мне известен.

Кусочек встал на место, и Ефрем прищурился.

- Это тайная операция, так ведь? Потому-то я и не вижу сапогов и электропалиц. Тут только вы.

Каулдер как будто поколебалась, а затем кивнула.

- Вы мне скажете, в чем дело? Он мертв?

- Нет, и я не знаю. Я потеряла с ним контакт несколько дней назад.

- У него было что-то на «Карридин»? Я видел гололит, который он записал для своей жены.

- Ему не следовало этого делать.

- Вы не ответили на мой первый вопрос.

- Господин Фейд, вам знакомы обязанности и функции Адептус Арбитес?

Ефрем откинулся на стуле.

- Прошу, просветите меня.

- Я служу Лекс Импералис, закону Имперума, господин Фейд. *Имперума*, а не Алекто. Меня не интересует, кто кого убил, как не интересуют мелкие торговцы оружием и бандиты, или же любые несущественные политические дела и коррупция, которой изобилует ваш район и город. Меня интересует этот мир: насколько он соблюдает эдикты, изданные Адептус Терра, не прерывается ли подать людьми и ресурсами, как преследуются еретики, ведьмы, мутанты и ксеносы. *Id est...* то, что ставит под угрозу неустойчивое положение Галактики. У меня нет иных задач, иной сферы компетенции, кроме как обеспечивать поддержание Лекс Импералис в этом отношении.

- И какими же вопросами вы занимаетесь, и с чего нужда в секретности? Разве что, конечно, вы и сама не знаете наверняка.

Ее губы сжались, и Ефрем понял: вот оно.

- Расследование, - сказал он. - «Карридин»?

Она не ответила, и это само по себе было не хуже любого другого ответа.

- «Карридин», - подтвердил он самому себе. - Тогда почему бы не обрушиться на них бронированным кулаком «Лекса»? Вы наверняка могли бы задействовать каждого санкционера в этом городе, равно как и что угодно из его арсенала.

- Все не так просто.

- Что может быть проще, чем... - начал было он, после чего выбрал себя за недалекость. - Дело в подати, верно? «Карридин» собирает огромные объемы продукции. Прокат идет тоннами. Закроешь их, и сельское хозяйство тоже встанет. Даже если в машине всего одна плохая шестеренка. Вся работа накрывается. Трон, все эти пайки... Мы сейчас не можем позволить войскам голодать, да?

- Вы говорите об этом, будто об игре, господин Фейд. Просто отдаленной заботе, которая вне вашей досягаемости и вас не касается.

- Моя забота - умереть подстреленным в какой-нибудь канаве. Я сражался в войнах, видел их, как они есть. Меня пугает, что там творится, но сейчас более вероятно, что меня убьют внутренние угрозы, - произнес Ефрем, сам удивившись тому, как разозлился. Он смочил губы. - Знаете, что меня *на самом деле* пугает? Что торговые комбинаты Варангантюа набрали такую власть и влияние, что даже Адептус

Арбитес приходится колебаться, прежде чем призвать их к ответу.

- Никто не стоит выше «Лекса», - отозвалась Каулдер, будто механически.

- Сомневаюсь, что вы и вправду в это верите.

- Я пытаюсь. Вот почему я здесь.

- Одна.

- Да, одна.

- И как же именно мне следует это понимать?

- Отойдите в сторону.

- Как я уже сказал, у меня контракт.

- Значит, нарушьте его. Вы мне мешаете.

- А если я откажусь?

Ее рука вернулась обратно под стол, к стаб-пистолету в кобуре.

- Вы наживете еще одного могущественного врага в тот же вечер.

- Или буду мертв.

- Или так.

Ефрем оглядел ее, бескомпромиссную на манер офицеров или комиссаров Милитарума: продукт обучения в Схоле Прогениум. Несомненно, крутая, но идти против торговых комбинатов, против зерна... Ему не нравились ее шансы. Впрочем, он признавал, что у него они еще хуже.

- Мне это как-то компенсируют?

Каулдер сердито посмотрела на него и встала со стула.

- Не ходите за мной, - предостерегла она. - Я больше не хочу вас видеть, господин Фейд.

- Мне последнее время часто так говорят, - сказал Ефрем.

Ничего на это не ответив, она ушла, и через несколько секунд Ефрем заказал выпивку. Покрепче.

Продолжая нянчиться с пятым стаканом, Ефрем решил, что, наверное, пора бы домой. Он допил остатки, зерновой виски все так же обжигал. Не совсем юпитерианский шелковистый коньяк, но свое дело он делал. Пока что. Ефрем нетвердо поднялся, оставил несколько плиток по счету и вывалился из бара, озорно подмигнув привратнице, которая невозмутимо его проигнорировала.

Оказавшись снаружи, он уже направился было к ближайшему маглеву, чтобы добраться до «корвейра» и придумать, как сказать Вельене Калик, что он все же не станет брать у нее плитки, когда перед ним возник человек.

Ефрем внутренне застонал.

- Из всех засранцев в этом городе... - пробормотал он.

Костыль занимал собой весь переулок, практически задевая плечами стены с обеих сторон. Его маска поблескивала в натриевом свете.

Ефрем игриво погрозил пальцем слуге-гиганту.

- Костыль, ты что, за мной следил?

Презрительную улыбку под маской, сопровождавшую ответ Костыля, не нужно было видеть - она и так чувствовалась.

- Тебе велено явиться.

- Ох, Костыль, - произнес Ефрем, фальшиво изображая жеманство. - У меня *такой* вечер выдался. Может, это подождет до утра?

- Немедленно.

- Стало быть, «нет». Мне понадобится час или около того, чтобы забрать «корвейр», но как только я это сделаю, обещаю без промедления прибыть, - с насмешливой торжественностью сказал Ефрем, приложив правую руку к сердцу. - Клянусь честью.

- О нем уже позаботились. И у тебя нет чести.

- Старина, неужто мы действительно снова в это ввяжемся?

Судя по виду Костыля, ему крайне этого хотелось, но власть госпожи над ним была абсолютной. Отвернувшись, он проворчал:

- За мной.

Особо не имея выбора, Ефрем последовал за ним.

Большая голова и крайне уязвленная гордость после афронта, полученного от Каулдер, не способствовали улучшению настроения Ефрема. Он снова сидел в галерее, перед своей бывшей нанимательницей.

На Вельене Калик был надет длинный свободный халат - настолько прозрачный, что когда сквозь него проходил тусклый свет, становилось видно омоложенное тело. В воздухе вокруг нее вилось лиловое облако обскуры, исходившее из трубки кальяна, который она курила. Ефрем не знал, действительно ли она играет с ним или же просто так всегда и живет. В любом случае, она выглядела рассеянее обычного, однако заняла то же место у окна, что и раньше, словно высматривала что-то.

Конечно же, так и было.

- Что вы узнали? - спросила она, не переводя взгляда.

- Немного, - признался Ефрем. - Я не единственный, кто его ищет.

Она слегка повернула голову – ровно настолько, чтобы свет вырисовал ее величественный профиль – и выпустила тонкую струйку слегка галлюциногенного дыма.

- Другая женщина? – спокойно поинтересовалась она, продолжая глядеть в окно.

- А у него их было много? Любовниц, я имею в виду.

- Я и без пояснений понимаю, что вы имеете в виду, господин Фейд, – отрывисто ответила она, но затем уступила. – Бывали. У него есть потребности. У *меня* есть потребности. Их необходимо удовлетворять, если мы хотим продолжать процветать. – Вельена снова затянулась из трубки и выдохнула сквозь поджатые губы. – Кто она?

- Все хуже, чем вы думаете, – отозвался Ефрем. – У меня есть вопрос получше: почему вашим мужем интересуются долбаные Арбитес на службе Трона?

Это привлекло ее внимание в полной мере.

- Позвольте мне *пояснить*, – произнес он, видя на лице Вельены Калик выражение ужаса. – Ее зовут Вероника Каулдер, и она из Арбитес. А еще она недвусмысленно велела мне не соваться в это дело. Мне кажется, что это может быть не такой уж и плохой идеей.

Она ущипнула себя за губу. Судя по тому, как вдруг напряглись ее плечи и выгнулась шея, это была прелюдия к признанию, и Ефрем понял: она вот-вот откроет ему нечто важное, нечто такое, что до этого скрывала.

- Он жив, – тихо проговорила Вельена. – Я его видела.

Лицо Ефрема исказила недоверчивая гримаса.

- Что?

- Я его *видела*.

- Здесь? Когда?

- Нет, не здесь. – Она сделала жест в направлении окна, оставляя в воздухе лиловый след обскуры. – Там. Сегодня.

Ефрем подошел к окну, пристально глядя на Вельену Калик и пытаясь определить, честна ли она с ним или же это какая-то игра из тех, что богачи забавы ради ведут с простонародьем. Он не увидел никаких следов фальши. Равно как не увидел на далеких улицах внизу никаких следов Байрона Калика.

- Вы уверены? – спросил он, продолжая всматриваться.

- Потому я вас сюда и вызвала. Чтобы рассказать. И еще...

Резко повернувшись, Ефрем схватил ее за руку – чуть крепче, чем намеревался. Как и в прошлый раз, Костыля отпустили, и они были наедине.

- Говорите!

Она не отпрянула и не стала звать охрану. В ее взгляде был страх, но при этом и волнение. Ефрем отпустил ее.

- Рассказать мне что? - спокойно спросил он, отодвинувшись от аристократки.

- Мне кажется, он за мной наблюдал.

Ефрем почувствовал, что внутри него снова поднимается злость - клэй перестал действовать, а алкоголь и весь этот дерьмовый вечер истрепали его нервы до тонких ниток - но удержал себя в руках.

- Госпожа Калик, я бы охарактеризовал эту информацию как имеющую отношение к делу. Люди моей непростой профессии находят такую полезной.

- Простите, - сказала она, по-настоящему удивив его своим извинением. - Я думала, это какой-то лакей «Карридина», которого отправили приглядывать за мной. Вот почему я послала за вами Костыля. Я видела фигуру, стоящую вон там, на краю Нивы, на протяжении нескольких ночей. В ту ночь, когда исчез Байрон, и каждую следующую. Я думала, это всего лишь то, о чем я вам уже сказала, но потом я увидела *его*. Вспышка света, внезапный проблеск от проходящего маглева... Не знаю, что произошло, но на несколько мгновений улица *осветилась*. И это был он, пусть в тени, но *он*. Байрон. Мой муж.

Забирая свой плащ, который он повесил на кресло, Ефрем уже направлялся к выходу из галереи, когда его заставил остановиться голос Вельены:

- Вы найдете его для меня, господин Фейд? Умоляю вас. Он жив. Пожалуйста, найдите его. Пожалуйста, верните его.

- Я его найду, но не ради вас. Ради правды.

Он удалился. Плащ хлестко взметнулся у него за спиной.

Стук маглева успокаивал мысли Ефрема на обратном пути в жилой бокс. Забитый потными телами тесный металлический цилиндр создавал ощущение определенной анонимности и безопасности, и Ефрем воспользовался этим, чтобы попытаться упорядочить то, что он знал или полагал известным.

Вельена Калик слишком долго пробыла в этом доме и впала либо в безумие, либо в отчаяние. Или и то, и другое. Или же она и впрямь говорила правду, видела Байрона Калика, и этот человек был жив вопреки всем прогнозам и уликам. Ефрему было сложно с этим согласиться.

Он восстановил в памяти детали, касавшиеся склада в Драге и корабельных деклараций, взятых им в частном жилище Байрона. И геджа, что бы это ни было. Инфослиток мог все прояснить или же запутать еще сильнее. Как бы то ни было, ему требовалось узнать, что там. Это вело к Веронике Каулдер. Не подчиниться Адептус Арбитес означало подписать себе смертный приговор, но Каулдер работала одна, и у нее ничего не было, в противном случае бы она уже начала действовать. Ефрем рискнул предположить, что она могла не видеть содержимого сейфа, спрятанного под столом Байрона. Почему иначе она не велела это отдать? Разве что ей было все равно? И как во все это вписывался фискал-савант? Независимо от того, существовала ли между ними связь, до его исчезновения они явно какое-то время поддерживали контакт. А потом он возвращается, чтобы помучить свою жену издали... Фрагменты не складывались. Как следствие, общая картина оставалась запутанной.

Ефрем не заметил, как вернулся в свое жилище - он шел на автомате, одолеваемый плохо согласующимися раздумьями. «Корвейр» ждал его. Когда машину задевали крупные частицы полевой пыли, становилось видимым едва заметное мерцание защитного поля. Ефрем предположил, что ее

вернул Костыль или кто-то еще из прислуги. Вельена Калик ожидала, что он продолжит работу. Его грызла мысль о том, насколько он предсказуем. Он сказал себе, что им не манипулируют, однако эта уверенность казалась пустой.

Как его кости.

Ему действительно нужен был клэй. Совсем чуть-чуть. Чтобы суметь заснуть, выстроить картину.

Практически упав через дверь в свой жилой бокс, Ефрем торопливо прошелся по замкам и направился к тайнику, спрятанному под незакрепленной плитой. Трясущимися пальцами он развернул пергамент и отломил кусочек. Щепотка клэя, только и всего. Он знал, что на ночь это плохая идея. Придут сны. Старые воспоминания, похожие на прокисшее мясо, которое оставили гнить. Но Ефрему, забиравшемуся в свою убогую постель с ощущением, будто его кожа – оголенный нерв, было все равно. Он сжал зубы, наслаждаясь резким привкусом на языке.

- Да пожалуйста... - приглашающе произнес он.

Земля сотряслась, и по джунглям прошла дрожь. Ефрема это почти не встревожило. Бомбардировка шла в нескольких милях от него. Удары наносились по раздробленным равнинам Рочу на востоке, где по зеленым молотили всеми имевшимися боеприпасами до последнего.

- Подъем, - скомандовал он. - Подтянуться.

Люди повиновались без комментариев, образовав патрульное построение. Гантро занял позицию впереди, во мраке мерцало дуло огнемета. За ним Чекка и Пруст, непринужденно опустившие свои лазерные карабины. К выкладке Чекки была пристегнута аптечка. Он растянул шлем, чтобы утереть со лба полосу пота.

- Держи шлем застегнутым, солдат.

Ефрем обернулся и обнаружил, что над ними, упершись одним ботинком в невысокий гребень, стоит лейтенант Частро. Она держала свой цепной меч, лежавший у нее на плече, расслабленным, но хорошо отработанным хватом.

Быстрый салют Ефрема получил встречный ответ, равно как и его хитрая улыбка.

- Есть вести про зеленых? - спросил он. - Они продолжают переть на север?

Частро переадресовала вопрос офицеру вокса, сидевшему на корточках в низине сразу позади нее и прижимавшему к уху приемную чашечку радио, но тот покачал головой.

- Похоже, что нет, серж...

Остаток фразы срезало взрывом, который снес гвардейцев с ног и взметнул в воздух землю с палой листвой.

- Ложись! Ложись!

Кто-то орал. Распростершемуся Ефрему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это он сам.

Джунгли рассекли лучи лазеров, рвавшие зелень и срезавшие кору.

Им отозвался отрывистый перестук стабберов, навстречу понеслись пули. В Пруста попали, и он задергался, словно марионетка на базаре в день Сатурналии, а затем рухнул.

Остальные гвардейцы продолжали стрелять, рассевшись за упавшими стволами или в старых окопах. Раздался низкий рев и хрюканье, звучавшие громче дроби стабберов. От этого по позвоночнику Ефрема, над которым тот силился сохранить контроль, прошел какой-то холодок.

На помощь к передовому патрулю шла половина взвода. Расчеты устанавливали на треноги тяжелое вооружение. Завизжала лазпушка, которая попала во что-то вдалеке, в разрастающейся круговерти тумана и перемолотых кусков джунглей. Сквозь шум пробился еще один взрыв, у них. Может, шагоход? Ефрем не знал точно.

А потом он увидел зеленых, тяжело двигавшихся в сумраке... Массивные лбы, грубая кожа, кривые клыки, торчащие вниз с выпирающих верхних челюстей с отвесно скошенными краями. Красные свинячьи глазки, сулящие лишь насилие и боль.

- Орки! - взревел Ефрем, и ложная ночь джунглей озарилась шквалом лазеров.

Кожа горела, конечности оделялись от тел, глаза выжигало дочерна, но зеленые продолжали приближаться. Их ответный огонь был скудным, однако у орков имелись тяжелые тесаки, клинки и зубастые цепные топоры. В ближнем бою они бы прошлись по взводу Гвардии, словно лесной пожар.

- Откуда они на хрен взялись?

Это была Частро, суетившаяся рядом с ним. Она дала очередь из своего болт-пистолета, и массорективные снаряды разнесли орку череп, а от левой руки оставили культю. Шатаясь, тот успел сделать еще три шага, прежде чем выстрел в туловище вскрыл грудную клетку и прикончил его.

- Передовые разведчики не говорили, что банда зашла настолько далеко вглубь, - продолжила лейтенант. - Нас должны были предупредить!

Ефрем заметил, что на ее плечо был закинут ведущий вокс. Предыдущий ответственный за него явно не выжил.

- Уже неважно, - сказал Ефрем в промежутке между выстрелами, - нам просто нужно выжить.

Над головой послышался низкий гул, который стал настолько громким, что мог соперничать с воплями зеленых.

- Это же?... - Ефрем посмотрел вверх, и в этот момент на полог джунглей упала еще более глубокая тень, а воздух заполнился стуком тяжелых винтов. Бомбардировщики были не на расстоянии многих миль, понял он. Они находились гораздо ближе и ждали. Ждали, когда орки заглотят приманку.

- Эскадрилья «Мародеров»... - ошеломленно проговорила Частро, глядя в небо.

Бомбардировщики зашли на бреющий полет, и протяжный зевающий шум двигателей потонул в пронзительном визге зажигательных бомб.

Прямо над ними.

- Сераф!

Ефрем прыгнул на Чиастро, свалив лейтенанта наземь и отшвырнув ее в ближайший окоп. Наполовину оглушенный, он забарахтался, спеша к ней. Лазган бешено болтался на ремне. Бомбы падали, словно каскад бутылок с громом внутри, столбами взметая грязь и раскалывая землю. Мир накренился, и Ефрем почувствовал, как тот улетает вниз, а его тело подбрасывает к небу, и с левой ноги лентами свисают кожа и сухожилия. Вспышка боли, ощущение распада, а затем жесткое возвращение на землю. Кость сотряслась, кость сломалась. Полузадушенный вскрик. Во рту кровь. Воздух затянут дымом. Едва можно дышать. Сперва онемение. Потом пришел жар. Потом боль, словно по каждому нерву прошлись затупленными бритвами. Ефрем посмотрел на свою изуродованную ногу и не выдержал. И начал кричать.

Сопровождавшая пробуждение муть пристала к Ефрему, словно тяжелый погребальный саван. Он нетвердо поднялся, в горле саднило от клэя. И от криков. Тело покрывала тонкая влажная пленка горячего пота. Он налил себе питья - жара теперь как будто была его бронированным кулаком. Красный дымчатый свет прожигал себе дорогу сквозь грязные облака и струился в окно. Солнце встало. Был уже день.

Еще слегка находясь под воздействием клэя, Ефрем направился напрямиком к когитатору и уговорил его машинный дух ожить. Сперва машина затрещала, но затем загудела и включилась. Отыскав в кармане плаща инфослиток, он засунул его в загрузочный порт, а потом, когда когитатор начал разбирать информацию, взял остальные собранные улики и разложил их на нечищеном полу.

В приватном жилье Байрона Калика он вел поиски второпях, опасаясь быть обнаруженным. Сейчас можно было не спешить и как следует все проанализировать.

Сам по себе адрес склада в Драге практически ничего не значил, так что Ефрем переключился на декларации и обнаружил интересное совпадение. В каждом из документов о грузах руководителем значился один и тот же дом вольных торговцев. Все корабли были разными и прибыли на суборбитальные станции Варангантюа из различных регионов и субсекторов, но получение их содержимого контролировалось одним семейным предприятием. Правомочность владения каждым фрахтовым контрактом подтверждал выцветший штамп: трезубец поверх мореходного компаса. Согласно мелкому тексту на пергаментях, это была династическая эмблема дома Мермидиан.

«Какая связь может быть между «Карридином» и компанией вольного торговца, и с чего, черт побери, фискалу-саванту интересоваться ей?»

Он еще мог бы понять, будь это экспорт. Для торговых комбинатов не являлось чем-то необычным использовать капитанов-контрактеров всех мастей для перевозки их товаров из наземного дока в пустоту, но декларации касались имущества, которое *поступало* в город. Причем в больших количествах.

По крайней мере, Ефрем узнал разрешительную отметку на сервисной декларации из кибернетической мастерской. Сперва он не сообразил, и чтобы связать одно с другим, потребовался остаточный эффект клэя и мысленное возвращение к встрече с Охрамом Варром. Серп. Такая же эмблема присутствовала на черном кольце Варра. В тот момент ее было нелегко увидеть, принимая во внимание остальные происходившие события, но сейчас, напрягая память, он был в этом уверен.

Это только уводило от дальнейших вопросов, на которые у него не имелось ответов. Не последним из них являлась загадка самого Байрона Калика. Живого. Предположительно. Ефрем полагал, что дело может быть в нарастающем отчаянии и психологическом стрессе Вельены Калик, но вне зависимости от того, видела ли она то, что ей хотелось увидеть, он действительно верил ее словам, будто кто-то наблюдал за ее жилищем. Оставалось лишь выяснить, кто. Что же до Байрона, тот почти наверняка был мертв. А если нет, то почему не вышел на связь? Может быть, опасался за безопасность жены в этом случае? Но опять-таки, Каулдер тоже не получала от него вестей. Все это указывало на то, что Байрона Калика более не существует.

Ефрем провел рукой по волосам, надеясь сподвигнуть какие-нибудь клетки мозга на внезапную деятельность, чтобы достичь откровения, но у него ничего не было. Следовало отступить, нарушить контракт, как ему велела Каулдер, но что-то в этом деле донимало его, будто заусенец, который никак не отгрызть.

От когитатора донесся мелодичный звон, сигнализирувавший о том, что инфослиток полностью загружен. Ефрем подошел к видеопланшету и принялся перебирать собрание плохо обработанных пикт-файлов, выскочивших на экран.

Первые несколько изображений были темными и малопонятными, но по мере движения вперед он различил тусклое помещение склада или силосного хранилища. На одной из картинок присутствовало большое криохранилище, откуда вились облака белого газа, в которых Ефрем разобрал вереницу рядов туш, подвешенных на цепях с крючьями к невидимой верхней балке.

Следующее изображение было сделано с большего расстояния, и стало видно, что криохранилища – это какие-то грузовые контейнеры, снова набитые кусками замороженного мяса. Было невозможно определить, сколько именно их там и сколько контейнеров находится на складе, но по прикидкам Ефрема объем был значительным. На боку одного из контейнеров бросалось в глаза клеймо, сообщавшее о частной собственности.

Это была эмблема дома Мермидиан.

Тщательно просмотрев каждый из пиктов, Ефрем вернулся к разбросанным на полу уликам. Он подобрал договор на склад в Драге, а затем подумал об изображениях на видеопланшете.

Ему требовалось *узнать*, а эта зацепка была ничем не хуже других.

- Да в пекло все...

Солнечный медальон, врученный Вельеной Калик, не только давал доступ к определенным объектам в Геновске, но еще и предоставил Ефрему некоторые привилегии при перемещении между районами. Стоило лишь показать талисман сквозь лобовое стекло «корвейра» – и заградительная стена, отделявшая одну часть Варангантюа от другой, разошлась.

Драга звала.

За окном Ефрема, словно поросль травы-пиявки, тянулся город лачуг, состоявший из торговых базаров, зловонных причалов, прибрежных гостиниц и потрепанных мануфакторий. Неряшливые портовые рабочие, кожа которых лоснилась от масла и потемнела от скопившейся грязи, тащились по узким улицам вперемишку с писцами, священниками и бесцеремонными санкционерами. Бурлящий

плавильный котел этого района постоянно пребывал в движении, как те товары, что текли внутрь и вовне через его порты. Торговцы в переливающихся шелках, которым прислуживали группы вооруженных сервиторов и рабов-телохранителей, сыпали резкими замечаниями и льстивыми уговорами из богато убранных киосков и расписных вагончиков, пытаясь привлечь внимание топчущейся толпы. Над головой исступленно кружили стаи утратторов, с карканьем высматривавших объедки. Все продается, ничто не остается без своей цены – так было заведено в Драге.

Ефрем проехал ее насквозь, не сбавляя хода, и порадовался избавлению от переполненных пристаней и запущенных пирсов, когда район начал утрачивать людность и превратился в конгломерат складов и огромных ангаров.

Он отыскал двор, где располагался указанный в контракте склад, и загнал туда свой «корвейр», позаботившись включить защитное поле машины после того, как вылез наружу. Толпа здесь уже поредела, но Ефрем заметил немало алчных взглядов, устремленных в его направлении. Туда-сюда расхаживали сервиторы с тусклыми глазами, нагруженные бочками с горючим для челноков или переносившие в своих пневматических лапах-клешнях упаковочные ящики. Одного-двух киберорганических рабов снабдили бионической оптикой, которая выделялась в уже начавшем меркнуть свете, словно крошечные пылающие рубины.

Двигаясь между складами и силосными хранилищами, Ефрем заметил скопления предприятий поменьше: свалки и продавцы машин, занимающиеся металлоломом; немногим лучше беспринципных падальщиков. Среди мусора выделялась часть корпуса старой машины, и Ефрем, привлеченный знакомым видом, подошел поближе и отдернул грязный, заляпанный маслом брезент, который кто-то положил сверху.

– Репульсоры до сих пор хорошие. Сам проверял. Твоя за две пятьдесят, – протянул позади него тонкий голос.

Ефрем обернулся и увидел изможденного барахольщика в одежде из грубо нарезанной зеленой кожи и заплатанном комбинезоне, потиравшего грязные руки в перчатках без пальцев. К черепу барахольщика была прикреплена примитивная усиливающая конструкция. Часть черепных болтов проржавела, из входных отверстий сочилась жидкость. Он сердито глядел через приделанную линзу-окуляр, будто оценщик, торгующийся за лучшую цену.

– Где ты ее взял?

Барахольщик приблизился, шаркая ногами, и Ефрем увидел, что у него на поясе висит разводной ключ.

– Честная добыча, – прохрипел барахольщик и, вдруг насторожившись, кивнул двум своим облезлым подручным, которые медленно двинулись вперед с инструментами в руках. – А тебе зачем знать?

Ефрем откинул плащ, демонстрируя свою лицензию егеря и, что еще существеннее, кобуру с «вультпером». Еще у него имелся запасной вариант, однозарядник, в специальном отделении внутри протеза, но он сомневался, что это потребуется.

– Исчезните. Сейчас же.

Когда барахольщик увидел оружие, его глаза расширились, а пальцы затряслись. Он коротко подал знак своим головорезам, и все трое снова растворились в тени, оставив Ефрема в покое.

В таком состоянии он вполне мог их и убить. Машина была спидером. Видавшая виды сколотая красная

краска. Раскладная крыша. Ее плохо спрятали, и она, бесспорно, принадлежала Веронике Каулдер.

«Если они готовы в открытую пойти против „Лекса“...» Следовало повернуть назад, забыть о том, что он вообще когда-либо встречал Каулдер или ездил в ее дерьмовом спидере. Он развернулся, сделал три шага, громко выругался и вернулся к спидеру. Ему вечно не удавалось оставить все как есть. Или принимать хорошие решения. Можно сказать, изъян личности.

Он обыскал машину, но ту ободрали догола. Это обстоятельство, а также ее появление на свалке не предвещали ничего хорошего в отношении судьбы арбитра. Несмотря на тот факт, что Каулдер в него стреляла, Ефрему она понравилась, и ее присутствие здесь означало: он подбирается к чему-то важному. Он лишь надеялся, что это еще не перестало быть значимым.

Охваченный еще большей спешкой, он отыскал склад на краю двора. Непримечательное строение из рифленого феррокрита и железных панелей имело большие передние ворота, запертые на засов и магнитные замки, и выглядело заброшенным. Ефрем совершил небольшой обход по периметру. У одной стены было свалено несколько бочек и пустых ящиков. Вскрабкавшись на них, он забрался на низкий мостик, а оттуда – к вентиляционному люку, достаточно большому для него. Тот был закрыт, но не так надежно, как ворота. Ефрем пнул по нему своим протезом, и люк прогнулся внутрь, легко сдавшись. Раздался глухой звон: искореженный металл ударился о другой мостик внутри. Ефрем пролез в люк, готовясь к тому, что обнаружит.

Склад был пуст.

Внизу раскинулось громадное темное пространство, куда можно было попасть по лесенке, ведущей с мостика на землю. Здесь подчистили, но второпях. Ефрем пристегнул к своему «вульперу» люмен и повел им по сторонам. В зернистом свете бросались в глаза следы волочения и подстертые отпечатки ног. Никаких грузовых контейнеров, но свидетельства их присутствия сохранились. Едва заметный едкий запах криозаморозки в воздухе и блеск инея на цепях, свисавших с балок наверху. От контейнеров остались большие вмятины в мягкой почве под ногами. Вокруг одной из них витал свиной дух. Люмен высветил глубокие узкие пустоты в грунте неподалеку. Вместе они ограничивали кусок земли площадью около шести квадратных футов. Ефрем принялся рыться в плаще, пока не нашел потрепанный ауспик, который держал в одном из карманов. Сканеру потребовалось несколько секунд, чтобы прогреться, его машинный дух был старым и норовистым. Маленький квадратный экран осветился, и Ефрем опустился на колени возле участка земли, плавно водя ауспиком вперед-назад. Пронзительное «дзинь» заставило его выйти за невидимые границы и привело к кусочку металла, погребенному в грязи. Он принялся скрести, копая голыми руками, пока не показалось достаточно, чтобы удалось подцепить.

Ефрем поднес металлический фрагмент к свету.

Тот был перекушен пополам. На обглоданных кромках виднелись следы зубов, а тыльную сторону покрывали царапины, складывавшиеся в две буквы: «h» и «h». Ефрем перевернул его передом вверх и осознал, что это крыло из темного железа – частично сжеванная аквила, едва отражавшая свет.

Вероника Каулдер почти наверняка была мертва.

Когда до Ефрема дошло, что это значит, он завалился на спину.

В какой бы бизнес не ввязался «Карридин», это было достаточно серьезно, чтобы убить адепта Арбитес. Подобное влекло за собой неслыханные наказания. Подать там или нет, но на такое не закроют глаза. И если им хватило дерзости убить арбитра... Ефрем почувствовал, как земля под ним смещается, вновь

подброшенная вверх тем взрывом, ярость которого оторвала от него несколько кусков. Он безрассудно забрел в дело, вовсе его не касавшееся – дело, из-за которого его, скорее всего, убьют, и он не мог из этого выпутаться. Правда напоминала калейдоскоп, непрерывно распадавшийся и складывавшийся заново. Узор было невозможно зафиксировать.

В окно на крыше лились последние остатки дневного света, и Ефрем поднял взгляд на подернутый дымкой колодец. Он не мог понять, что означали «h» и «h», но их почти наверняка нацарапала рукой Каулдер перед смертью. Часть послания, которое ей не суждено было закончить? Или всего лишь повреждение, нанесенное в отчаянии, а он стремится отыскать какой-то смысл, попросту тут отсутствующий. Искомые ответами располагал всего один человек. Мертвый человек, как он полагал.

Вельена Калик сказала, что фигура наблюдала за ней каждую ночь. Ефрем припомнил, в какое время в последний раз посещал жилище Каликов. Оставалось всего несколько часов.

Выбравшись со склада, Ефрем побежал к «корвейру». Выход только один. Правда. Все вело к нему, к Байрону Калику. Живому или мертвому.

«Я сам у него спрошу».

За пределами высоких стен элитного анклава город занимался своими ночными делами. Его обитатели шаркали мимо, подняв воротники от дождя. Их респираторы запотели от дыхания. Таркритовое дорожное покрытие блестело и лоснилось от легкой мороси. Ефрема, укrywшегося внутри «корвейра» с хорошим обзором на улицу, это навело на мысли о крови.

Сколько же ее, задумался он, пролилось со времени основания города?

Достаточно, чтобы утопить целые народы.

Остывающий двигатель пощелкивал, и это был единственный шум помимо неспешного стука дождя снаружи машины. Пронесшись через Драгу в Геновску, а затем с визгом остановившись в нависшей тени элитного анклава, Ефрем забеспокоился, не приехал ли слишком поздно. Но потом он увидел томящуюся возле окна Вельену Калик, позади которой мрачно маячил ее слуга. Она подняла экранированное стекло – возможно, чтобы муж смог ее увидеть, если это и впрямь был он, а не какой-нибудь жестокий мучитель. Вельена ни на секунду не обратила внимания на Ефрема, однако Костыль неотрывно смотрел на «корвейр» с того момента, как тот подъехал. Его взгляд мог прорезать бронешилет.

«Засранец», – проартикулировал Ефрем, надеясь, что у слуги есть глазные имплантаты, и он может читать по губам издалека.

Вельена Калик вдруг приблизилась к окну, распластав пальцы по стеклу, и Ефрем перевел взгляд обратно на улицу. На свет подвесного люмена выступила фигура. Она была сильно закутана, что вкупе с дождем не давало увидеть подробностей. От полевого грунта с Нивы воздух превратился в похожий на суп туман, делавший задачу опознания издалека практически невозможной, поэтому Ефрем вылез из «корвейра» и зашагал пешком.

Он запоздало сообразил, что оставил свой респиратор, но не собирался возвращаться за ним. Прижав к носу и рту тряпку и подавляя кашель, он двинулся в ночь. Наверху с дребезжанием прошел маглев, издававший треск репульсоров. Внезапный приток энергии передался на висящий люмен, и тот

полюхнул, будто ослепляющая граната, осветив всю левую сторону лица фигуры.

Ефрем пошатнулся и резко замер на месте.

- Сраные угодники...

Это был Байрон Калик.

Он продолжил идти, а затем с шага перешел на трусцу, а потом и на бег, когда Байрон Калик развернулся и снова ушел в тень переулка, из которого возник.

- Байрон Калик! - закричал Ефрем, не заботясь о том, кто еще его услышит, и о том, насколько безумно он выглядит: бежит сквозь дождь и мглу, вопя в сторону человека, который не останавливается и не обращает на него никакого внимания.

Он добрался до конца улицы, сильно кашляя - споры начали заполнять нос и рот. Тряпка плохо заменяла респиратор, но вся жизнь Ефрема строилась на сожалениях о вещах похуже, так что он двинулся дальше. Натриевые лампы окрашивали переулок водянистой лазурью, треснувшие корпуса искрились под дождем, испуская озоновую вонь. В одной из таких вспышек стала видна спина Байрона Калика, медленно удалявшегося прочь.

Хотя тот и исчез в муравейнике узких улочек, Ефрем решил, что все еще может его настичь. Однако когда он приблизился к концу переулка, его уронил на колени неожиданный удар в живот. Второй удар попал в плечо, и от сотрясшей кости силы по руке как будто пробежал электрический разряд. Ефрем откатился от нападавших, смутно различимых среди дождя и тумана, и сумел подняться на ноги. Дышать становилось трудно, на языке чувствовался привкус плесени. Он насчитал троих, все при оружии, перекрывают проход вперед. Их лица были скрыты масками - орлиными масками из дешевого пластика, по жестким чертам которых, словно холодные слезы, стекали ручейки воды. А еще на них была надета форма. Высокие сапоги и бронежилеты образца Муниторума.

«Милитарум?»

Он не узнавал полк, и экипировка была не похожа на ту, что в Гвардии. А Гвардию он *знал*.

«Значит, Флот».

Нет, это тоже было не так. У людей в форме везде было написано, что они каперы. Не буквально, разумеется, но когда Ефрем уворачивался от выпада ножом, то успел разглядеть на руке атакующего служебную татуировку.

Трезубец и компас. Меридиан.

«Ну обосраться...»

Шагнув навстречу нападавшему и уйдя от удара, Ефрем зажал нож сгибом локтя и при помощи другой руки сломал корабельному бойцу запястье. У противника вырвался страдальческий вскрик, а Ефрем получил по предплечью утяжеленной дубинкой, что заставило его стиснуть зубы от боли. Отбросив ногой еще терзаемого мукой бывшего обладателя ножа, он сосредоточился на том, что был с дубинкой. Парировал второй замах, выбросил удар, не попавший в цель, и в этот момент третий нападавший врезал ему по ребрам латунным кастетом. Ефрем издал стон и подавил тошноту. От быстрого джеба в подбородок Кастет покачнулся, но дубинка попала Ефрему по плечу, и то онемело. Яростный кросс в боковую часть головы, раскаленная добела боль - и он снова оказался на коленях, глядя на троих людей

сквозь дождь. Ефрем осознал, что медленно задыхается и хрипит, словно сидящий на обскуре наркоман.

- Что ж... - произнес он, тяжело дыша. - Полагаю, всех отделяет от момента вроде этого всего одна скверная драка.

Трое мужчин, лица которых все так же оставались скрыты масками, бесстрастно смотрели на него сверху вниз.

- Сработано под бандитское ограбление, верно? - проговорил Ефрем, теперь уже действительно с трудом. По крайней мере, стекавший по шее дождь был прохладным.

- Все равно никогда особо не дорожил этой жизнью, - сказал он и уже собирался закрыть глаза, когда в ближайшего головореза влетел погрузчик, приподнял того над землей и швырнул в стену. Хрустнула кость. Перелом. Человек закричал. Погрузчик махнул кулаком и резко, будто поршнем, вбил его в солнечное сплетение второго убийцы. Раздалось мычание, и второй бандит согнулся - у него были раздроблены ребра и проткнуто легкое.

Третий из убийц атаковал в ответ и сумел удачно попасть железной палицей. От полученного разряда погрузчик отдернулся назад, вот только это был совсем не погрузчик. Это был человек - человек, который врезался в стену переулка, и с него слетела маска.

Костыль кипел от ярости. Дождь струйками стекал по его лицу, его *настоящему* лицу, обезображенному шрамами. Жуткие ожоги сделали кожу похожей на пожеванное мясо, губы кривились в постоянном оскале. Старые раны, редко выставляемые напоказ. Он двинулся на последнего головореза. Широкоплечий гигант шел в атаку со свирепостью и самоуверенностью профессионального кулачного бойца. Бешеный взмах шокерной палицы пришелся не по телу, а по воздуху - Костыль уклонился и яростно ответил градом ударов. Он замахивался и бил с размеренностью метронома, чередуя лицо и корпус, лево и право, устраивая своими кулаками разгромное избиение.

Двое остальных лежали мертвыми или умирали, этому тоже оставалось недолго, и Ефрем закричал, насколько ему еще хватало духу:

- Один нужен мне живым...

Костыль остановился. Просто остановился, словно вдруг попал в стазис. Его противник или, скорее, мешок для битья отшатнулся к стене, сполз по ней и остался сидеть неподвижно.

- Тебе нужно поторопиться... - прорычал Костыль. Он был взбешен, но все же обуздал свою досаду и наклонился за одной из орлиных масок. Разрывая пластик, он выдрал спрятанный под маской респиратор и бросил Ефрему; тот поймал его, надвинул на нос и рот и сделал несколько вдохов, пока снова не задышал более-менее ровно. Костыль пошел подобрать собственную маску, и Ефрем заметил, что у него в носу затычки, а на мускулистой шее выжжен серийный номер, который был виден всего мгновение, а затем опять скрылся под керамикой.

Переключив свое внимание на бандита, он схватил умирающего за подбородок и вытянул его лицо на свет. Изуродовано уже набухшими лиловыми синяками, покрыто кровью. Ефрем надеялся лишь на то, что Костыль не сломал мужчине челюсть.

- Вы из Мермидиана, команда вольного торговца, так?

Несмотря на свое жуткое состояние, человек улыбнулся, обнажив окровавленные зубы. Двух не хватало.

- Вы убили Веронику Каулдер? - требовательно спросил Ефрем. - Вы знали, кому она служит?

Никакого ответа.

- Что вы ввозите в город и зачем?

Мужчина снова не ответил, и Ефрем сжал его челюсть посильнее.

- Я доставлю тебя к хирургу, - соврал он. - Можешь жить, но мне нужны ответы. Что в этих поставках? Что такое «гедж»?

Наконец-то реакция: забулькала кровь, человек силился прочистить горло. Ефрем подался поближе и уловил теплый скрежещущий выдох, последний в жизни мужчины.

- Увидишь... Увидишь...

Он попытался рассмеяться. Ефрем уже готовился выбить из него правду, как бы мало ни осталось для битья, но человек осел грудой, и свет покинул его. Ефрем дернул его за форму, с силой ударил ладонью по лицу, но ничего не произошло.

- Твою мать!

Он ударил по стене, выбив из нее кусок кирпича, и растер его в пыль своей аугметикой.

- Это старый флотский жаргон, - произнес Костыль. - Я слышал, как им пользовались капитаны и палубные команды торговых судов Алекто. Но не общепринятый.

- Что? - Ефрем помедлил. С каждой секундой его злость остывала, дождь успокаивал мысли, словно желанный бальзам. Ему потребовалась секунда, возможно, из-за ударов по голове. Затем все потоком хлынуло на свое место.

Серийный номер, рубцы на лице Костыля: такие бывают от плазменного ожога.

- Ты был служащим Флота? - спросил Ефрем, а потом прищурился. - Нет, корабельным пехотинцем. Почему тебя уволили?

- Меня не увольняли, - сказал Костыль, ответив сразу на оба вопроса и поставив несколько новых.

Ефрем кивнул, и на миг между ними возникло взаимопонимание.

- Наверное, все мы от чего бежим, верно?

Костыль пожал плечами, и Ефрему представилось, как где-то между ними смещаются тектонические плиты.

- Трофеи, - произнес Костыль. - Трофеи *от чужих*, вот что это значит.

- Но что им делать с... - Ефрем вертел в руке сломанную аквилу Каулдер, переворачивая ее туда-сюда. Его взгляд опустился на тыльную сторону, куда как раз упал натриевый свет. Это были не две буквы, вовсе не «h» и «h». Это был номер. 44.

- Вот дерьмо... вот Трон с дерьмом! - он побежал обратно по переулку.

- Что ты делаешь? - прорычал Костыль, когда он поравнялся с ним.

- Свяжись по воксу с кастеляном Сераф Чиastro, - отозвался Ефрем. - Скажи ей вести всех санкционеров, сколько есть, на Ниву, к владениям «Карридина».

- Зачем?

- Чтобы добраться до правды. Чтобы положить этому конец.

Взвизгнув шинами и развернув «корвейр», Ефрем резко дал газу. Дождь, будто краска, размазывался по лобовому стеклу, заслоняя дорогу впереди. Ведя машину сквозь ливень и сгорбившись за рулем, Ефрем думал о пустом складе, который обнаружил в Драге. Мермидиан не смог бы так быстро его зачистить и отыскать какое-то новое место. И они не могли оставить контейнеры - только не после того, как их нашла Каулдер. Даже если та и была мертва, они не могли рассчитывать на то, что она действовала в одиночку и что Арбитес не пошлют кого-нибудь еще. Ее могли пытаться, чтобы узнать, что ей известно; Ефрем надеялся, что это не так. Он старался не думать о пяточке земли, где нашел ее наполовину сжеванный значок, и о пропитавшей его свиной вони.

Он резко повернул за угол, выскочив на тротуар и еле разминувшись с другой машиной. Выкрикиваемые проклятия уже стихали, и Ефрем устремился на подъездную дорогу, ведущую к единственному месту, о котором он мог помышлять - к «44».

Он направился на Ниву.

Та была закрыта на ночь. Вокруг акров сельскохозяйственных плантаций и пастбищ многочисленных стад выросли автоматические ограждения, похожие на пограничные стены между мелкими вотчинами. И большие, и малые торговые концерны имели свои участки, и крупнейшими среди них были сами комбинаты, высившиеся над всем остальным, словно титаны. Насквозь проходила дорога - основная артерия, которая вела ко всем владениям торгашей и потому являлась нейтральной территорией. Ее ширины хватало для навалочных транспортеров, даже для танков.

Территории патрулировались небольшими армиями, преимущественно состоявшими из сервиторов в силу того обстоятельства, что те не уставали и обладали большей стойкостью к воздействию висящей в воздухе пены из частиц земли и мульчи. Она липла к лобовому стеклу «корвейра», собиралась вокруг его кромок, смягчала протекторы шин, которые начали проскальзывать и буксовать из-за колец скопившейся грязи.

Люмены не горели нигде, если не считать лучи фонарей, прочесывавших внешние вехи территорий и владений торговой гильдии. А затем Ефрем увидел один, который все-таки горел. Едва заметный свет вдали, верный признак жилья и деятельности.

Он двинулся туда - «корвейр» плохо подходил для таких условий, но кое-как справлялся - и когда подъехал на дистанцию видимости, с удовлетворением заметил на стене огромного хранилища массивную табличку машинной штамповки. Трафаретные цифры гласили: «44».

Замедлив «корвейр» до хода ползком, Ефрем притормозил на расстоянии от хранилища, где его точно не мог увидеть никто из охранников «Карридина». Остановив машину, он нашел ту тряпку, которой пользовался в переулке. Разворачивая ее, он искренне пробормотал слова извинения.

Люди сбегались на внезапно грянувший шум и пожар: машина, которая только что неспешно подкатилась к их передним воротам, полыхнула яркой и буйной вспышкой. Обводя темноту автоматами и выкрикивая приказы сервиторам идти потушить огонь, охранники так и не заметили фигуру, которая прокралась сквозь их растянувшийся кордон. А к тому моменту, как с проблемой разобрались, она уже давно исчезла, затерявшись в тени.

Ефрем позаботился о том, чтобы прихватить свой респиратор. Держа «вультпер» пониже и отведя его в сторону, он прижался к стене хранилища. В одиночку он, вероятно, мало чем мог помешать творящемуся внутри. Единственное, чего ему хотелось – найти доказательства деятельности «Карридина» и причину, по которой мертвец как будто бы вернулся к жизни. Внутри можно было войти через боковую дверь, простой служебный люк. В качестве необходимого ключа выступил пинок аугметикой.

Стоило ему переступить порог, как его обдало холодом. В воздухе висела осязаемая пелена газовых паров. Ефрем двинулся вглубь, осознав, что атмосфера внутри всего комплекса остужается до низкой температуры. Респиратор больше не требовался, так что он убрал его, но воздух был ледяным. Он закутался в плащ, подавляя дрожь и выдыхая призрачные клубы.

Ефрем сожалел, что поджег «корвейр» – тот был красивой машиной – однако это послужило необходимым отвлекающим фактором. Больше трюков у него не осталось, и он надеялся, что для дальнейшего хватит собственных мозгов. Непосредственно сейчас ему предстояла узкая лестница, ведущая в сумрак, и он двинулся по ней, направив «вультпер» перед собой. Сквозь ледяную темноту доносился механический шум, исходивший откуда-то неподалеку и расходившийся по стенам вибрирующей дрожью. Возможно, какая-то перерабатывающая установка? Явно промышленная. Ефрем пошел на звук.

К счастью, выбранный им маршрут не охранялся. Это была череда пустых коридоров, покрытых коркой изморози, и каждый поворот снова на миг вызывал волнение из-за риска быть обнаруженным. Ботинки хрустели при ходьбе. Если бы кто-нибудь решил проверить наличие незваных гостей, то увидел бы цепочку четких следов, ведущую прямо к тому месту, где находился Ефрем.

Миновав еще несколько поворотов и пару этажей, Ефрем добрался до двери, которая была освещена по краям. Он медленно, тихо подошел к ней и приложил голову к холодному металлу. Механический шум слышался здесь гораздо громче, и то, что его производило, почти наверняка располагалось за этой дверью. Однако больше он ничего не услышал – никакой праздной болтовни или характерного стука ботинок патруля. Решив рискнуть, он попробовал ручку. Дверь открылась достаточно свободно, лишь тихо затрещал частично затвердевший иней. На маленькую площадку, где стоял Ефрем, пролился свет: сперва полоской, а затем и потоком, когда дверь раскрылась достаточно широко, чтобы можно было проскользнуть в зазор.

Он оказался на мостике, который нависал над колоссальным ангаром внизу.

Вереницы сервиторов-грузчиков с тусклыми глазами неуклюже таскали тюки завернутого в пластик мяса, только что появившегося из нескольких больших и шумных мясорубок. В воздухе стояла вонь: холод, кровь и смрад перемолотой плоти. В машины ряд за рядом загружались размороженные туши гроксов. Стадных животных превращали в прокат, предназначенный для голодных животов Милитарума.

Но это было еще не все.

К первой партии мяса добавлялась вторая, и при виде нее Ефрем замер. В мясорубки перекидывали

огромную кучу трупов. Обмякших, с пустыми глазами, пробитых лучами лазеров или с дырками от пуль. Мешанина уродливых конечностей, клыков, копыт, звериных рыл, лиц со щелью вместо носа, гибких тел. Ефрем узнал зеленокожих и еще некоторых. Несмотря на холод в зале, по коже разлился жар, а сердце заколотилось – его вновь накрыл обстрел, отнимая ногу, раздирая его на части, совсем как мясо в этих долбанных проклятых мясорубках. Это был сущий ужас, и он задался вопросом, насколько далеко проник сговор, насколько глубоко. Большинство граждан Варангантюа вообще никогда не видели ксеносов, а те, кому доводилось, не встречали их уже десятки лет. Многие думали, будто чужие – это просто миф.

Ефрем подавил рвотный позыв, понимая, что это может выдать его присутствие горстке корабельных бойцов дома Мермидиан, которые со скучающим видом бродили среди сервиторов. Тюки загружали на несколько круппных, но пока что отключенных антигравитационных поддонов.

Похоже, груз готовили к отправке.

Осознание значимости происходящего на его глазах вошло в голову, словно холодный клинок. Это отправляли в пустоту, одному Трону ведомо куда, для Милитарума, для Флота. Целые полки питаются этой оскверненной дрянью... Вот как «Карридину» удалось повысить нормы – они отыскали еще один источник мяса.

Ефрему пришлось напрячь волю, чтобы не начать сразу же палить из «вультпера», пытаясь перебить их всех. Так не победить. Вместо этого он стал высматривать вдохновителя этого безумия. И нашел его.

Охрам Варр стоял в стороне, во всех отношениях дистанцируясь от рабочих, исполнявших его волю. На нем был хорошо пошитый костюм из мягкой темно-синей шерсти и алый полуплащ с высоким воротом, пристегнутый к серебряному наплечнику. Он выглядел довольным собой. Король надзирал за вассалами.

Ощущение тошноты в желудке Ефрема сменилось ожесточением, и он нацелил пистолет на голову Варра. Он не мог убить всех, но мог убить этого ублюдка и отправить того напрямик в преисподнюю. Он уже собирался нажать на спуск, когда увидел, как к первой фигуре присоединилась еще одна: непоколебимый сервитор Варра, Пес.

Вот только это был не просто сервитор, это был Байрон Калик.

Не живой и не мертвый, но где-то посередине.

Сервисная декларация из технической мастерской, заведения на задворках с серой моралью. Печать-серб Охрама Варра, его авторизация.

- Трон пресвятой...

Варр изначально планировал сделать из Байрона киборга. Должно быть, он узнал, что Калик раскрыл его секрет, и про Каулдер тоже. Он заманил Каулдер, убил ее, а затем оставил след, чтобы по нему пришел Ефрем...

Начало разгораться дурное предчувствие. Байрон Калик или, вернее, Пес привел его в переулок. Вне зависимости от того, остались ли в частично лоботомированном мозгу какие-то воспоминания, побуждавшие того искать свой бывший жилой анклав, или же это был просто акт жестокости, чтобы помучить вдову – Пес завел его в опасную ситуацию. После вмешательства Костыля Ефрем решил, будто опасность миновала, но это могло быть вовсе не так. Подтверждением стало холодное дуло оружия, упершееся ему в висок.

- Ты охренеть как ошибся, придя сюда, - произнес незнакомый Ефрему голос. Внизу Варр насмешливо кивнул в направлении мостика, где он сидел.

- Сукин ты...

Второй раз за два же дня мир Ефрема погрузился во тьму.

Ефрема привела в чувство пульсирующая боль в голове, как будто ему в череп загоняли гвозди. Муть начала рассеиваться, и он увидел, что перед ним стоит Охрам Варр. Позади барона стоял голем с пустым взглядом, Пес. О сервиторе было сложно думать как-то иначе, нежели как о машине. От человека, которым тот когда-то был, осталась только маска из плоти, напоминавшая прежнее лицо.

- Вы чрезвычайно упорны, господин Фейд, - сказал Варр. - Я так о вас и подумал, когда мы встретились. *Этот упорный*, подумал я. Жаль, что наше знакомство закончится здесь.

С чувств спадала пелена, и Ефрем осознал, что находится на маленькой металлической платформе, ненадежно свешивающейся над глубокой ямой. Из ямы поднимался смрад, который исходил от мягкой земли на дне. Несло свиньями, а еще потом и дерьмом - та же самая вонь, которую он обнаружил на складе. В вытопанных ямках внизу блестели лужи, вязкие и темные. Еще пахло чем-то средним между медью и железом.

- Что теперь, Варр? Бросишь меня в эту проклятую яму?

Как будто не услышав его, Варр обвел жестом окружающую обстановку.

- Обычно я держу эту часть ангара в тепле. Понимаете, так лучше для стада. Перед забоем.

Ефрем мельком глянул в яму. При повторном рассмотрении он заметил забранное решеткой отверстие, где было темно, но там определенно что-то таилось. Снизу донеслось далекое фырканье и хрюканье. Это была не просто яма. Это был кормовой загон. Он задумался о побеге, но затем заметил, что вокруг выстроен караул из бойцов дома Мермидиан.

- Но как видите, - продолжал Варр, жестикулируя более широко и указывая на партии товара, которые грузили на антигравитационные поддоны, - у нас в разгаре подготовка груза к пустотной транспортировке.

- Это ересь, Варр, - парировал Ефрем, надеясь потянуть время. - Тебя за это не просто убьют, тебя отдадут Черным Капюшонам. Для таких как ты есть специальные комнаты: места наказаний, по сравнению с которыми допросная карателей - веселый дом.

Он наконец-то привлек внимание Варра, и тот ощерился в ответ:

- Инквизиция меня не тронет. Они не могут наказать за то, о чем не знают. Риск умрет вместе с вами, - произнес он и ткнул в Ефрема пальцем. - Я же вам говорил, я вас предупреждал, что могу дотянуться до вас и что с любым нарушением границ в отношении меня или моего предприятия сурово разберутся. И вы перешли границу, господин Фейд.

- Говорит человек, который поставляет Милитаруму мясо ксеносов.

- *И вы перешли границу*, - повторил Варр, позволив себе проявить раздражение. - Сказать вам, что

делает этот город великим, господин Фейд? Пока вы не умерли, сказать вам, что возвышает его над грязью и дымом?

- Ответ снова «дерьмо», а ты, дескать, сидишь на вершине кучи дерьма, король *настоящего* дерьма? Так, верно?

Варр насупился из-за сорванного момента, и Ефрем ощутил мелочный прилив гордости.

- Я придержал часть стада, - холодно ответил барон. - Обычно это такие послушные создания, если их не мучить. Дикий же грокс... ну, «свирепый» - это не то слово.

Фыркание и хрюканье по ту сторону решетки усилилось. Ефрему показалось, что он видит, как во мраке светятся красным узкие свинячьи глазки. Разглядывают следующее блюдо.

- Конечно, они изголодались, но когда они едят... - Варр изобразил дрожь удовольствия. - Они пожирают *полностью*.

Урчание из-за прутьев стало более возбужденным, и Ефрем уже не в первый раз за вечер пожалел, что у него нет при себе немного клэя, чтобы смягчить суровую реальность событий.

- Плоть, кости... - проговорил Варр. - Они съедят что угодно. Все.

Решетка отодвинулась, и наружу рысцей выбежали массивные чешуйчатые стадные звери, с фырканием нюхавшие воздух. Они были размером как минимум с человека, только более мускулистые и приземистые. Их спины и морды были покрыты отметинами от стрел.

- Так что да, - произнес Варр. - Я король *настоящего* дерьма, но вот поесть его предстоит вам.

Ефрем лихорадочно огляделся, отчаянно ища выход. В воздухе над ямой покачивались блоки с цепями - слишком высоко, чтобы дотянуться. У него забрали «вульпер» и дубинку, но оставили однозарядник, однако не было возможности достать оружие, прежде не оказавшись подстреленным одним из бойцов. Он попытался отыскать в мертвом взгляде сервитора Байрона Калика какой-нибудь остаток прежнего человека. Это было все равно что смотреть в дуло лазгана.

- Байрон!..

Имя эхом разнеслось по огромному залу, будто каким-то образом отозвавшись на мысли Ефрема.

Женский голос, полный горя и боли.

На полу мясокомбината стояла Вельена Калик, сопровождаемая своим огромным слугой. У ног того лежал мертвый корабельный боец со сломанной шеей.

Она находилась на расстоянии, должно быть, тридцати или сорока футов, но услышав, как его позвали по имени, сервитор повернул голову. Затем Вельена устремилась к нему, и он дернулся.

Варр раздраженно вздохнул. Миг его триумфа откладывался.

- Убить ее...

Сумрак обожгли лучи лазеров: бойцы Мермидиана открыли огонь. Костыль, не отстававший от своей госпожи, потащил ее в укрытие, и выстрелы приходились в сервиторов-грузчиков внизу, среди которых они торопливо перемещались. Те несколько, кому попали в голову, свалились, уронив свою ношу.

Остальные продолжали работу, молча выполняя свои задачи, ни о чем не думая и ничего не сознавая.

Пользуясь тем, что охрана отвлеклась, Ефрем бросился на Варра.

- Ах ты бездушный кусок... - но Варр отступил назад, платформа сдвинулась, и мир снова накренился: Ефрем падал...

Рванувшись, он зацепился пальцами за край ямы и повис. Ноги болтались, аугметика тянула вниз, словно якорь.

- Байрон Калик, - взревел Ефрем, и сервитор повернул голову, оглядывая его. - Там твоя жена. Она любит тебя и сделает что угодно, чтобы тебя спасти.

Бойцы продолжали пальбу, в ответ глухо трещали выстрелы Костыля, так что Варр, понукавший своих наемников убить и слугу, и его хозяйку, держался позади. Лишь когда он обернулся посмотреть, почему его живой щит не с ним, то заметил, что Ефрем все еще висит.

- Ты еще не умер? - произнес он и попытался наступить Ефрему на пальцы.

- Байрон! - заорал Ефрем, увернувшись от первого удара ботинком. - Она умрет, если ты ничего не сделаешь.

Бионический глаз Пса засветился чуть ярче, а затем он пришел в движение, с мрачной решимостью направляясь вперед... Первого из корабельных бойцов он застал врасплох, отрубив тому руки и бросив остальное истекать кровью на полу. Вопли привлекли внимание прочих, и половина из них направила оружие на сервитора, а другая половина двинулась вглубь ангара в поисках других незваных гостей. Лучи лазеров опалили плоть Пса, но не замедлили его.

- Пес, протокол повиновения, - крикнул Варр, и сервитор замер. - Ко мне, *раб*, - с выражением велел барон, и сервитор сделал несколько нерешительных шагов. - Я сказал, ко мне!

Еще один шаг, а затем Пес остановился. Он беззвучно шевелил губами, ища способы осмыслить то, что хотел высказать. На его лице было неизгладимое страдание, медленное и ужасное осознание, во что же он превратился. Создание, лишенное голоса, в бессильной досаде приоткрыло рот. А потом оно заговорило:

- Нет...

Сервитор замахнулся на Варра, и тот попятился на шаг назад.

- Пристрелите его! - испуганно закричал он своим людям, и в этот момент Ефрем дотянулся до его лодыжки и утянул Варра в яму вместе с собой.

Ефрем сильно ударился оземь, но податливый грунт смягчил падение. Присев на корточки среди навоза и полузастывшей крови, он понял, что не сумеет выбраться.

Неуверенно вставая, он схватился за мягкую землю, и в руке оказалось пожеванное кольцо. И теперь, увидев его, Ефрем заметил и другие предметы, частично зарытые в воняющую дерьмом жижу. Половина ботинка. Серьга. Несколько разорванных звеньев цепи. Зуб.

Варр поднялся на ноги. На его лице было выражение полного ошеломления от того, как вдруг изменилась ситуация. Гроксы пока что фыркали в своем вонючем загоне, еще толком не среагировав на

приманку, но несколько из них уже начинало проявлять интерес.

Ефрем прикоснулся к скрытому отделению своего протеза, и ему в руку плавно выскочил однозарядник. Он уже собирался вскинуть оружие, когда услышал красноречивое «целк». Варр наставил на него отделанный серебром автоматический пистолет, который держал в вытянутой руке.

- Я тебя не убью, - посулил барон. Из пореза у него на лбу лилась кровь, растекавшаяся по лицу, словно боевая раскраска. Grimаса предвещала смерть.

Над ними продолжался шум боя: трескуче шипели лазеры, рвалась плоть, после чего следовали крики.

- Сколько? - спросил Ефрем. Гроксы подбирались ближе, их замешательство от внезапного изменения обстановки отступало, поскольку они учуяли мясо. Урчание и фыркание сменились рычанием.

Варр непонимающе нахмурился.

- Пуль у тебя в пистолете, - пояснил Ефрем и рискнул вполглаза глянуть через плечо, чувствуя приближение зверей. - Насколько они эффективны против чешуйчатой шкуры?

- Чтобы убить тебя, мне нужна всего одна.

- А потом что? Я готов умереть, Варр. А ты готов?

Варр неуверенно огляделся. Звери понемногу успели окружить их. От сладковатой вони тел, смешивавшейся с запахом крови и нечистот, подступала тошнота.

- Ты готов? - повторил Ефрем.

Рука Варра дрогнула. Должно быть, гроксы учуяли выступивший у него от страха пот, поскольку один из них начал бросок. Очередь вспорола живот зверя, пули рвали его на куски изнутри. Ефрем вытащил свой однозарядник, прицелился и выстрелил.

Цепной блок, крепления которого перебило меткое попадание, упал вниз, и Ефрем подпрыгнул, вкладывая все силы в аугметику. Поймав конец свисавшей цепи, он вскинул другую руку, чтобы ухватиться получше, и обмотал цепь вокруг своего запястья. Однозарядник исчез внизу.

Варр пятился назад в поисках свободного пространства. Он увидел Ефрема и поднял пистолет. Злоба сменилась страхом, затем отчаянием. Отказавшись от мести во имя выживания, он перевел оружие на стадо.

Он успел убить еще двух, прежде чем третий повалил его. Придушенный вопль оборвался, когда грокс вдавил барона в землю и приступил к еде...

Ефрем отвел глаза, а чтобы выдержать последовавшие ужасные звуки, ему пришлось стиснуть зубы.

Обмотанная рука понемногу теряла чувствительность, и казалось, будто он провисел там несколько часов. На самом деле, стаду потребовались считанные минуты, чтобы сожрать угощение... плоть, кости и даже ткань. Осталось только кольцо-печатка, горделиво лежавшее на земле. Блеск серебра потускнел от красных брызг.

Набив брюхо и насытив свою ярость, гроксы побрели обратно в загон, исчезая в люке, который автоматически закрылся за ними.

Ефрем высвободил запястье – оно было белым, как гипс – и без церемоний свалился на землю.

С края ямы на него глянуло лицо. Ну, то есть лицо *в маске*.

- Опять твою шкуру спасаю, – ровным голосом произнес Костыль.

- Если ты не против...

Ефрем заковылял к платформе; каждый дюйм его тела беззвучно вопил, требуя вылезти из ямы. Он опасался, что никогда не забудет, как в ней пахло. Когда он с удовольствием выбрался наружу, стало ясно, что же на самом деле произошло наверху.

Все охранники Мермидиана были мертвы. Большинство оказалось разорвано на куски, буквально расчленено или рассечено надвое, а половинки аккуратно – и жутко – прижжены. Несколько застрелили.

Вельена Калик не встречала его. Она стояла на коленях рядом со своим мужем, баюкая голову того и глядя остатки волос. Какими бы стойкими не были сервиторы, они не обладали неуязвимостью. Мало что в теле Пса, будь то плоть или металл, осталось целым. Оно было вспорото и практически полностью почернело от лазерных ожогов.

- У него всегда были такие прекрасные волосы... – проговорила Вельена, не обращаясь ни к кому конкретно.

Костыль наблюдал за ней. Ефрем тоже мало что мог поделать сверх этого.

Байрон Калик – а это он теперь пребывал в своем угасающем теле – поднял глаза на жену, его губы тронула мягкая улыбка, и он умер.

Позволив пройти еще нескольким секундам, Вельена вытерла слезы и произнесла:

- Никто никогда не должен узнать.

Ефрем уже хотел было запротестовать, когда осознал, что это бессмысленно.

- Ты так и не вызвал Сераф Чиастро, верно? – спросил он Костыля.

Слуга не ответил. Это не имело значения. Ответ был получен.

- Ну и что теперь? – поинтересовался Ефрем.

- Теперь, – отозвалась Вельена, – все наконец-то закончилось.

В той же самой лишенной света камере, где он находился несколькими днями ранее, отдавалось эхо шагов сердито расхаживавшей Сераф.

- Ничего, – повторила она, крутанувшись на каблуке и обернувшись к егерю, который сидел на стуле напротив нее. – Ты утверждаешь, будто тебе ничего не известно о том, как сгорел комплекс «Карридина».

Ефрем покачал головой.

- Не ври мне, Фейд, - предупредила она. - Троном клянусь, если ты мне врешь...

- Ты лично меня пристрелишь? - предположил он.

- Хуже.

- Я хочу помочь, но не могу рассказать о том, чего не знаю.

- А если я позову карателя и велю это у тебя выпытать?

- пытка - неэффективный метод допроса, - отозвался Ефрем. - Понимаешь, жертва настолько травмирована, что просто скажет что угодно...

- Мне от этого станет лучше! - прервала его Сераф. Ее лицо приобрело апоплексический оттенок.

Ефрем был вынужден признать: творился бардак. Комплекс «Карридина» в огне. Никаких следов агробарона, ответственного за это и, похоже, единственного человека, кто знал, что находилось и происходило внутри. Торговый комбинат сомкнул строй, а Арбитес не проявляли интереса, коль скоро «Карридин» пообещал сохранять податные нормы без перебоев.

Казалось, Сераф настроена бушевать и дальше, но потом она обмякла. Злость покинула ее, будто отраву, которую вытянули из раны.

- Я больше не желаю тебя видеть, Фейд. *Никогда*, - произнесла она, теперь уже устало.

Ефрем кивнул, чувствуя себя уязвленным, однако встал и собрался уходить.

- Ты все еще лжешь об этом? - спросила Сераф.

- О чем?

Она указала на ногу.

- О том, как ты ее получил.

- О том, что Империи, которому я столь исправно служил, использовал меня и моих товарищей в качестве приманки для врагов, а потом выбомбил из нас все дерьмо, чтобы убить их? - он сделал такое лицо, словно взвешивал решение. - Ага, я все еще об этом лгу.

- Ты поэтому ушел?

- Сераф, ты же знаешь: никто по-настоящему не уходит из Милитарума. Так или иначе, твоя служба продолжается.

- Ты понимаешь, о чем я.

Ефрем подошел к двери.

- Нет, - тихо произнес он, глядя Сераф в глаза и чувствуя, как вновь поднимается старая боль, - я ушел не поэтому.

Она тоже посмотрела на него и уже собиралась что-то ответить, но Ефрем отвернулся и зашагал прочь.

- Увидимся, - крикнул он.

- Нет, не увидимся.

- Нет, видимо нет.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=He_по_нутру_/Against_the_Grain_\(рассказ\)&oldid=17567](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=He_по_нутру_/Against_the_Grain_(рассказ)&oldid=17567)

Эта страница в последний раз была отредактирована 15 августа 2021 в 20:45.